

12+

Пока не
ЗАКОНЧИТСЯ
МУЗЫКА

ЕВГЕНИЙ ВОЛКОВ

Евгений Волков

Пока не закончится музыка

«Издательские решения»

Волков Е. И.

Пока не закончится музыка / Е. И. Волков — «Издательские решения»,

Мира Вейрова привыкла верить, что правильная работа должна приводить к правильному результату. Но новый партнёр, Адриан Келлер, заставляет её пересмотреть не только подход к танцу, но и отношение к контролю, доверию и победе. «Пока не закончится музыка» — роман о профессиональном танцевальном спорте, цене амбиций, взрослом партнёрстве и о том, что даже идеальная подготовка не может гарантировать первое место.

© Волков Е. И.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	21
ГЛАВА 4	29
ГЛАВА 5	37
ГЛАВА 6	45
ГЛАВА 7	53
ГЛАВА 8	61
ГЛАВА 9	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Пока не закончится музыка

Евгений Игоревич Волков

© Евгений Игоревич Волков, 2026

ISBN 978-5-0071-1223-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

2 сентября, Вена

На четвёртом повторе Мира поняла, что Максим устал.

Не потому, что он сбился. Максим почти никогда не сбивался на таких вещах. Не потому, что стало тяжёлым дыхание — музыка была слишком тихой, а кондиционер над зеркальной стеной шумел достаточно громко, чтобы его скрыть. Просто на выходе из вращения его левая ладонь задержалась у её лопатки на долю секунды дольше обычного.

Для любого другого человека это вообще не было бы информацией.

Для Миры — было.

Она не остановилась. Продолжила ча-ча-ча до конца короткого фрагмента, закончила на прямой ноге, удержала вес, только потом повернула голову к колонке.

— Ещё раз с начала восьмёрки, — сказала она.

Максим посмотрел на неё через зеркало.

— Конечно.

— Но без полного движения. Только ноги и timing.

Он усмехнулся.

— Вот теперь я узнаю заботу.

Мира уже шла к телефону, лежавшему на полу рядом с бутылками воды.

— Это не забота. У тебя начало падать качество корпуса, и если мы продолжим в полном объёме, ты начнёшь компенсировать плечами.

— Ещё лучше.

Она убавила музыку на два деления.

— Ты можешь просто сказать «спасибо».

— Спасибо, что не позволила мне умереть на сорока секундах ча-ча-ча.

— Пожалуйста.

Максим улыбнулся и встал на место.

Так они разговаривали почти восемь лет.

Не всегда словами.

Мира знала, как меняется его правая сторона, когда он собирается дать больше пространства, чем предусматривала хореография. Знала, что перед быстрым изменением направления он чуть сильнее загружает standing leg, хотя на видео этого почти нельзя было увидеть. Знала разницу между его рукой, которая действительно вела, и рукой, которая только сохраняла контакт, потому что решение уже было принято их центрами.

Максим, в свою очередь, знал, когда она перенесёт вес раньше музыки не из-за ошибки, а потому что услышала акцент и решила его использовать. В толпе на паркете ему хватало небольшого изменения её пальцев, чтобы понять: слева приближается другая пара. Если Мира после неудачного повторения становилась необычно молчаливой, он не спрашивал, что случилось. Он знал: она считает.

Обычно — сколько повторений потребуется, чтобы исправить проблему.

Иногда — сколько дней осталось до турнира.

Сегодня считать было нечего.

Она нажала воспроизведение.

Короткая восьмёрка началась снова.

Без корпуса движение выглядело почти бедно. Четыре ноги, два центра, сухая работа стоп по светлому паркету. Мира следила за своим переносом веса, за тем, чтобы не бросать свободную ногу раньше, чем завершилась работа опорной. Максим рядом двигался в том же

времени, не копируя её и не ожидая отдельного сигнала. На последних счётах он чуть сократил шаг.

Мира ответила автоматически.

Музыка закончилась.

— Вот, — сказала она. — Так лучше.

— Угу.

— Ещё два.

— Мира.

Она уже потянулась к телефону.

— Что?

— Хватит.

Палец остановился над экраном.

Это слово Максим тоже умел произносить по-разному. Иногда оно означало: хватит этого упражнения, мы перестали получать новую информацию. Иногда: хватит сегодня, усталость уже портит движение. Иногда: хватит спорить, Елена всё равно завтра скажет, что мы оба неправы.

Сейчас оно значило другое.

Мира выпрямилась.

Большой зал студии был почти пуст. За матовым стеклом двери кто-то прошёл по коридору, и на секунду поверх паркета скользнула тень. Было без двадцати два. Их аренда заканчивалась в два.

Ещё двадцать минут.

Она посмотрела на часы, потом на Максима.

— У нас время до двух.

— Я знаю.

— Тогда что значит «хватит»?

Он сел на край низкой скамьи у стены и начал развязывать левый ботинок.

— То, что значит.

Она почувствовала раздражение раньше, чем поняла его причину.

— Максим, если ты хочешь закончить раньше, так и скажи.

— Я хочу закончить раньше.

— Хорошо.

Мира выключила колонку.

Тишина после музыки всегда казалась ей слишком большой. Пока шёл трек, даже плохая тренировка имела форму. Счёт, начало, конец. В тишине оставались только шорох подошв, кондиционер и дыхание.

Она опустилась рядом, не слишком близко, и начала снимать защитный пластырь с большого пальца правой ноги. Кожа под ним была белой от влаги, но целой. Утром она почувствовала натёртость и поменяла пару туфель до того, как образовался волдырь. Ничего серьёзного.

Максим медленно стянул ботинок.

— Я сегодня отправил письмо в союз, — сказал он.

Мира не сразу подняла голову.

— Какое?

Вопрос был бессмысленным. Другого письма не существовало.

Максим не стал делать вид, что не понимает.

— О том, что не продлеваю соревновательную лицензию на следующий сезон.

Мира аккуратно свернула использованный пластырь липкой стороной внутрь.

— Уже отправил?

— Утром.

— Мне могли написать копию.

— Я указал тебя в форме. Тебе придёт подтверждение, когда они обработают.

Она кивнула.

Максим ждал.

Наверное, от неё требовалось что-то ещё.

Только Мира не понимала что.

Они обсуждали это не неделю и не месяц. Первый серьёзный разговор был ещё прошлой осенью после турнира в Брюсселе, когда Максим сказал, что не уверен, хочет ли снова строить целый год вокруг рейтинга. Весной он повторил уже без слова «не уверен». В июне, после последнего крупного старта, они договорились: летние обязательства заканчивают, семинары проводят, решение о новом сезоне он принимает до сентября.

Сегодня было второе сентября.

Максим ничего не нарушил.

Именно это делало ситуацию неудобной.

Если бы он передумал внезапно, Мира могла бы злиться. Если бы сорвал регистрацию перед турниром — обвинять. Если бы появился другой партнёрский проект — считать себя преданной.

Но он просто сделал то, о чём предупреждал почти год.

— Хорошо, — сказала она.

Максим тихо выдохнул через нос.

— Не очень.

— С точки зрения документов — хорошо. Лучше сейчас, чем через месяц. Срок регистрации пары всё равно до конца сентября.

— Мира.

— Что?

— Я не про документы.

Она потянулась за вторым пластырем, хотя снимать его пока не было необходимости.

— А про что?

— Про нас.

Слово прозвучало почти нелепо в пустом тренировочном зале.

Не потому, что между ними не существовало «нас». Наоборот. За восемь лет оноросло до масштаба отдельной системы: общий рейтинг, программы, тренеры, документы, костюмы, расписания, аэропорты, гостиницы, результаты, фотографии, сотни часов видео. У них были движения, которые никто уже не помнил, кто придумал первым. Были шутки, которые давно перестали требовать окончания. Была общая папка с музыкой, общий бухгалтер по международным доходам и чемодан с запасными конкурсными вещами, который обычно возил Максим.

Просто это «нас» никогда не означало того, что обычно люди слышали в таком слове.

Они ни разу не были парой вне паркета.

Ни разу не пытались.

И от этого расставание почему-то не становилось проще.

— Мы это обсуждали, — сказала Мира.

— Да.

— Ты хочешь студию.

— Да.

— Уже нашёл помещение.

— Почти.

— Будешь преподавать.

— Надеюсь, иначе аренда станет довольно дорогим способом сидеть в красивой комнате.

Она не улыбнулась.

Максим наклонился, упёр локти в колени.

— Я не жду, что ты будешь меня отговаривать.

— Я и не собираюсь.

— Знаю.

— Тогда что ты хочешь услышать?

Он подумал.

— Ничего конкретного.

Мира ненавидела ответы без задачи.

— Очень удобно.

— Для тебя — ужасно.

На этот раз она всё-таки посмотрела на него.

Максим улыбался не весело, но привычно. Она вдруг заметила седой волос у него над правым виском. Один. Возможно, он был там давно. Возможно, появится ещё десяток, прежде чем она перестанет автоматически искать его отражение рядом со своим в зеркале.

— Я не умираю, — сказал он.

— Я вижу.

— И не уезжаю на другой континент.

— Тоже вижу.

— Мы ещё будем работать вместе. Если захотим.

— Это не то же самое.

Ответ вышел быстрее, чем она успела решить, стоит ли его произносить.

Максим перестал улыбаться.

Вот теперь она сказала правду.

Мира отвела взгляд к зеркалам.

В отражении они сидели рядом в тренировочной одежде, оба вспотевшие, с растрёпанными после работы волосами, окружённые бутылками, полотенцами и обувью. Никакой красивой финальной картинки. Через две недели фотография их последнего международного старта всё ещё будет висеть на сайте студии: загар, камни, свет, идеально собранные лица. На той фотографии невозможно было понять, что Максим уже тогда знал, что заканчивает.

Она тоже знала.

Просто знание, оказывается, не являлось репетицией события.

— Нет, — сказал Максим. — Не то же самое.

Мира провела пальцами по краю скамьи.

— Ты точно решил?

— Да.

Она кивнула один раз.

— Тогда мне нужно будет поговорить с Еленой.

Максим закрыл глаза на секунду.

— Конечно.

— И с регистрационным офисом. Если я найду партнёра до двадцать пятого, мы ещё успеем заявиться на ноябрьские старты без позднего сбора.

— Мира.

— Что снова?

— Ничего.

— Нет, скажи.

Он посмотрел на неё внимательно — тем самым взглядом, который обычно появлялся за минуту до того, как он просил прекратить бессмысленные повторения.

— Ты можешь хотя бы сегодня не превращать это в новый проект?

Она почти рассмеялась от нелогичности требования.

— А во что я должна это превратить?

Максим не ответил сразу.

— Вот именно.

Мира почувствовала, как внутри поднимается знакомое сопротивление. Не злость. Скорее потребность доказать, что ситуация вполне управляема.

— Слушай, мы оба знали, что это произойдёт. У меня есть варианты. Елена знает рынок. Я могу сделать несколько проб в сентябре. Если подходящего человека не будет здесь, посмотрим Германию, Италию, возможно, Польшу. Вопрос виз и базы решаемый. Сильных свободных партнёров не много, но они есть.

— Я не говорил, что их нет.

— Тогда в чём проблема?

Максим посмотрел на неё почти с жалостью, и это наконец разозлило.

— Не надо так.

— Как?

— Как будто мне сообщили диагноз.

— Я вообще ничего не сказал.

— Именно.

Она встала и пошла за полотенцем.

Двадцать минут закончились. В коридоре уже остановилась следующая пара: две фигуры за стеклом, девушка в длинной тренировочной юбке проверяла телефон, мужчина растягивал икру у стены.

Мира начала собирать вещи.

Максим не мешал.

Она сложила туфли в сетчатый мешок, убрала использованный пластырь, проверила, что крышка бутылки закрыта. Телефон показал три непрочитанных сообщения от учеников и одно письмо от авиакомпании с рекламой осенних направлений.

Ничего от союза пока не было.

— Наш завтрашний урок с Еленой отменять? — спросил Максим.

Мира замерла с застёжкой сумки в руке.

Урок был оплачен заранее. Девяносто минут. В их общем календаре он стоял ещё с июля.

— Я напишу ей сегодня.

— Деньги можем разделить как обычно, даже если отменим поздно.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что это не твоя тренировка.

Он чуть приподнял брови.

Фраза прозвучала жёстче, чем Мира собиралась.

Она поправила:

— Уже не наша.

Максим медленно кивнул.

— Хорошо.

Снаружи, на венской улице, было неожиданно жарко для сентября. Камень у входа в студию ещё держал дневное тепло. Максим предложил кофе. Мира отказалась, сославшись на два вечерних урока.

Это было правдой.

В семнадцать ноль-ноль у неё стояла продвинутая любительская пара. В восемнадцать тридцать — индивидуальный урок с женщиной, готовившейся к pro-am старту. До этого нужно

было поесть, ответить Елене, проверить правила смены партнёра и понять, кому писать первым.

У неё был план примерно через сорок секунд после разговора.

И от этого не становилось легче.

Максим ушёл к метро в другую сторону.

Мира смотрела ему вслед только до перекрёстка.

В половине пятого она уже была в другом зале, в семи остановках трамвая от первого.

За двадцать минут между метро и уроком успела купить йогурт, банан и кофе, съесть половину банана, ответить двум ученикам и написать Елене одно сообщение:

«Максим сегодня подтвердил завершение. Завтра можем оставить время? Я приду одна».

Ответ пришёл почти сразу.

«Да. Ничего больше сегодня не решай».

Мира перечитала последнюю фразу и убрала телефон.

У Елены иногда были странные представления о пределах тренерских полномочий.

Её ученики, Клара и Мартин, опоздали на шесть минут и вошли в зал, одновременно извиняясь. Они танцевали вместе чуть больше года, оба работали полный день и готовились к своему первому серьёзному любительскому турниру. Мартин принёс две бутылки воды и пакет с новой парой обуви. Клара сразу спросила, будут ли они сегодня прогонять всё целиком.

— Нет, — сказала Мира. — Сначала разберём переход после fan position. Вы его каждый раз спасаете скоростью, и на музыке кажется, что проблема исчезла. Она не исчезла.

Мартин поставил бутылки у стены.

— Я говорил.

— Ты говорил, что Клара поздно идёт. Это другое.

— А она не поздно?

— Иногда поздно. Но потому, что ты слишком рано забираешь пространство. Если ты сначала создаёшь решение, а потом ждёшь, что она в него попадёт, это не lead. Это прогноз.

Клара коротко засмеялась.

— Можно я это запишу?

— Нет. Лучше станцуй.

Мира включила музыку.

Через несколько минут мир снова стал понятным. Не лёгким — понятным. Здесь существовала задача, причина, попытка и наблюдаемый результат. Мартин уменьшил шаг, но потерял корпус. Клара перестала торопиться и сразу стала запаздывать по timing. Мира остановила их, переставила, дала упражнение без рук, потом вернула контакт.

На сороковой минуте получилось лучше. Не идеально. Именно лучше.

Это было нормальное состояние работы.

Мира поймала себя на том, что впервые за час не думала о Максиме.

Мысль пришла без облегчения. Скорее с удивлением. Будто организм продолжил какую-то функцию без её отдельного разрешения.

После урока Клара спросила:

— Вы с Максимом будете в Кёльне?

Мира наклонилась за бутылкой.

Вопрос был естественным. В июле она сама упоминала им этот турнир как пример большого паркета, где ранняя подготовка движения особенно мешает из-за трафика.

— Нет, — сказала она.

— А, вы поменяли старт?

Мира сделала глоток воды.

— Максим заканчивает соревноваться.

Клара замолчала.

Мартин тоже.

У людей почти всегда менялось лицо, когда они слышали подобные новости. Словно спортивное партнёрство могло закончиться только катастрофой и теперь требовалось определить, кого утешать.

— Ох, — сказала Клара. — Мира, мне очень жаль.

— Всё нормально. Мы давно это обсуждали.

— А ты?

Всего два слова.

Мира поняла вопрос.

— Я продолжаю.

Ответ прозвучал так быстро, что никто не успел бы подумать, будто решение только что принято.

И всё же, пока она складывала штатив и убирала колонку, ей пришлось повторить его про себя.

Я продолжаю.

Это не было обещанием победить. Не было планом. Даже партнёра ещё не было.

Просто первая вещь после новости Максима, которую Мира знала без таблицы.

Второй урок закончился в половине восьмого. За два часа работы она заработала достаточно, чтобы оплатить примерно половину завтрашней консультации Елены, если та не перенесёт занятие в другой тариф. Раньше такие расчёты существовали на фоне: общая аренда, общий coaching, часть расходов делилась пополам. Теперь до появления нового партнёра каждая собственная тренировка становилась полностью её расходом.

Это тоже было решаемо.

На экране телефона ждало письмо от International Partnership Dance Union.

Она открыла его в раздевалке.

Формулировка была сухой и вежливой: заявление Максима Рейнера принято; действующая регистрация пары Вейрова/Рейнер будет закрыта по завершении текущего лицензионного периода; накопленные парные очки останутся в архиве результатов; для регистрации нового партнёрства потребуется отдельная заявка.

Мира прочитала письмо дважды.

Особенно строку про архив.

Восемь лет можно было поместить в архив одним административным действием.

Она закрыла письмо.

Домой идти не хотелось, поэтому Мира ещё несколько минут сидела на деревянной лавке в пустой раздевалке. Не плакала. Не пыталась заставить себя не плакать. Просто сидела, пока уборщица не включила яркий верхний свет в коридоре.

Тогда она встала, накинула куртку и вышла.

На остановке трамвая Мира открыла календарь.

Следующие недели были заполнены цветными блоками: собственные уроки, парная практика, физподготовка, две консультации с Еленой, примерка нового латинского платья, билеты в Кёльн на Rhein Star Open в ноябре. Большая часть расписания всё ещё была составлена для двух людей.

Она начала удалять.

Парная тренировка — отменить.

Парная тренировка — отменить.

Урок с приглашённым coach — пока оставить.

Физподготовку — оставить.

Примерку — перенести.

Rhein Star Open.

Она задержала палец над событием.

До Кёльна было чуть больше двух месяцев. В другой год это означало бы определённый этап подготовки: программы уже собраны, базовая физическая форма набрана, дальше — скорость, плотность, полные раунды. Они знали бы, на каких соревнованиях проверяют изменения и где нужен результат для рейтинга.

Сейчас она не знала даже имени человека, который должен был стоять рядом.

Мира нажала «удалить».

Телефон спросил, удалить ли событие только из её календаря или из общего.

Она выбрала «из общего».

Кёльн исчез.

За ним открылся ноябрь — почти пустой.

Декабрь.

Январь.

Февраль.

Мира листала дальше, пока на экране не появился май.

Девять месяцев.

Не много.

Не мало.

Просто количество времени, которое теперь нужно было чем-то заполнить.

Она закрыла календарь и впервые за весь день не стала немедленно открывать следующий.

ГЛАВА 2

5—12 сентября, Вена

Пять фамилий в таблице выглядели убедительнее, чем три человека в зале.

К субботнему утру Мира успела сократить список до тех, кого имело смысл хотя бы попробовать. Исходных фамилий было семнадцать. У двоих уже шли переговоры о другом партнёрстве. Один собирался переезжать в Канаду. Четверо не подходили по росту настолько, что проверять совместимость означало бы тратить чужое время. Ещё трое хотели выступать только по профессионально-любительской системе и не собирались возвращаться в международный circuit.

Остались пять.

В правой части таблицы Мира поставила столбцы: возраст, рост, база, последние результаты, школа, доступность, предполагаемый бюджет сезона, возможный тренировочный объём.

Елена Варди, увидев распечатку два дня назад, провела ногтем по верхней строке и спросила:

— А где столбец «как вы двигаетесь вместе»?

— Для этого нужна проба.

— Наконец-то в твоей системе появилась переменная, которую нельзя заполнить заранее.

Мира тогда ничего не ответила.

Сейчас первая переменная должна была появиться через семь минут.

Она стояла у зеркала в небольшом зале на втором этаже Atelier 17 и разминала правую стопу. Натёртость на большом пальце почти прошла. После двух дней без парной работы ноги ощущались непривычно свежими, и это раздражало сильнее, чем усталость. Организм явно не понимал, что внезапно высвободившиеся часы были проблемой, а не подарком.

Елена сидела у стены с кофе и ничего не комментировала.

— Ты будешь всё смотреть? — спросила Мира.

— Нет.

— Мы оплатили девяносто минут.

— Тогда особенно полезно не потратить все девяносто на моё мнение.

Мира посмотрела на неё через зеркало.

— Я думала, ты поэтому здесь.

— Я здесь, чтобы вы не решили за пятнадцать минут то, на что обычно уходит пятнадцать лет карьеры.

Дверь открылась.

Эмиль Хартман вошёл точно по времени — не раньше и не позже. Тридцать четыре года, Мюнхен, полуфиналы нескольких крупных Open, последние пять сезонов с одной партнёршей. В мае она завершила карьеру после рождения второго ребёнка. Никакого конфликта, никаких слухов. По резюме Эмиль был самым очевидным кандидатом.

Он поздоровался с Еленой, с Мирой, поставил сумку у стены и спросил:

— С чего хочешь начать?

Ей понравился вопрос.

— С basics. Потом короткая программа. Не хочу сразу проверять хореографию.

— Согласен.

Через десять минут Мира почти физически ощущала, насколько всё правильно.

Эмиль был собран. Чисто переносил вес. Не проваливал standing leg. Не пытался увеличить движение за счёт верхней части корпуса. Его timing был понятным и повторяемым. На базовой румбе Мира ни разу не оказалась там, где не ожидала.

На двадцатой минуте это начало беспокоить.

Они попробовали связку с открытой позиции. Эмиль подготовил изменение корпуса, Мира ответила почти одновременно — ещё до того, как информация полностью дошла через контакт. Движение получилось аккуратным.

Слишком аккуратным.

— Ещё раз, — сказала она.

Они повторили.

То же самое.

На третьем повторе Мира сознательно задержала решение на долю счёта и дождалась его ведения до конца. Эмиль, почувствовав отсутствие привычного ответа, усилил действие. Она закончила движение, но потеряла ту свободу, которую пыталась найти.

— Стоп, — сказала Елена.

Мира уже открыла рот.

— Не объясняй. Ещё раз. Эмиль, ничего не меняй. Мира, тоже ничего специально не меняй.

— Но если мы ничего не изменим, получится то же самое.

— Именно это я и хочу увидеть.

Музыка началась снова.

Получилось то же самое.

Не плохо. Если бы Мира увидела подобный фрагмент у пары на турнире, она отметила бы хорошую техническую базу и пошла смотреть дальше.

Но внутри движения не возникало вопроса.

Эмиль заранее знал, куда она придёт. Мира заранее знала, куда он собирается её привести. Они не обменивались информацией — они независимо исполняли две версии одного заранее понятного решения.

С Максимом это работало иначе. Там предсказуемость была результатом восьми лет совместного опыта. Максим мог изменить объём движения на половине действия, и её тело успевало перестроиться прежде, чем она формулировала изменение словами.

С Эмилем предсказуемость существовала сразу.

И вдруг Мира поняла, что это не обязательно достоинство.

После часа они сели у стены. Эмиль пил воду, спокойно отвечал на вопросы о графике. Он был готов базироваться в Вене три дня в неделю, остальные проводить в Мюнхене. Финансовый объём сезона его устраивал. Grand Continental Crown входил в его цели. Ноябрьский старт был возможен.

Всё совпадало.

— Я бы попробовал ещё раз, — сказал он. — Через неделю. Иногда первая тренировка вообще ничего не показывает.

Это тоже было разумно.

Мира пообещала ответить к понедельнику.

Когда дверь за ним закрылась, она спросила:

— Ну?

Елена подняла бровь.

— Ты решила, что я экзаменатор?

— Ты видела то же, что и я.

— Возможно.

— Мы слишком заранее делаем движение.

— Вы оба очень хорошо знаете, как оно должно выглядеть.

— Это не одно и то же.

— Хорошо. Значит, ты что-то уже увидела.

Мира начала собирать полотенце.

— Технически он подходит.

— Да.

— По целям тоже.

— Да.

— И ты всё равно думаешь, что нет.

— Я пока вообще ничего не думаю. А вот ты пытаешься получить от меня разрешение не выбирать кандидата, который лучше всего выглядит в твоей таблице.

Мира резко затянула молнию сумки.

— Я не просила разрешения.

— Тогда не проси.

В понедельник она отправила Эмилию короткое сообщение: ещё одну пробу проводить не будет.

Он ответил через восемь минут: «Понимаю. Удачи с поиском».

Ни обиды, ни попытки переубедить.

Мире стало от этого одновременно легче и неприятнее.

В тот же день она открыла архив рейтинга IPDU. Рядом с фамилией Вейрова по-прежнему стоял прошлогодний результат — достаточно высокий, чтобы организаторы, тренеры и потенциальные партнёры знали, кто она. Но этот номер больше не давал ей места в стартовом листе. Рейтинг принадлежал паре, а пары не было.

Мира понимала логику системы и всё равно несколько минут смотрела на экран так, будто могла найти в правилах исключение, которое раньше не заметила. Восемь лет результатов не исчезли; они просто перестали быть практическим преимуществом в том виде, к которому она привыкла. При новой регистрации союз учтёт индивидуальную историю обоих спортсменов и даст стартовый коэффициент, но настоящее положение всё равно придётся собирать заново.

К ноябрю это означало простую вещь: даже если партнёр появится завтра, Rhein Star Open не будет продолжением прошлого сезона. Это будет первый экзамен совершенно новой системы.

За выходные ей написали ещё четыре тренера. Двое предлагали мужчин заметно ниже необходимого уровня — не из вежливости, а потому что свободных сильных партнёров действительно было мало. Один спросил, готова ли Мира на сезон базироваться в Милане. Ещё один осторожно уточнил, рассматривает ли она переход в Standard.

Мира закрыла переписку после этого вопроса.

Она не была в состоянии паники. Паника мешала считать варианты. Но впервые ясно увидела ограничение, которого не было ни в одной её таблице: профессиональный партнёр не являлся ресурсом, который можно купить большей дисциплиной. Можно было оплатить зал, coach, билет, платье, физиотерапию. Нельзя было заказать подходящего человека к нужной дате.

Вторая проба была во вторник.

Леон Марек приехал из Праги утренним поездом и уже на разминке двигался так, будто зал был меньше, чем на самом деле. Ему был тридцать один, последние два года он танцевал с партнёршей значительно ниже Миры и строил пару вокруг очень сильного мужского центра. На видео это выглядело эффектно: большой объём, быстрые изменения направления, ясный lead.

На первом же самбовом проходе Мира поняла цену этой ясности.

Леон не ждал, пока её вес действительно завершит предыдущую фазу. Он создавал следующий объём раньше и ожидал, что партнёрша окажется внутри него вовремя.

Мира оказалась.

Она была достаточно сильной, чтобы оказаться.

Через три минуты у неё начало возникать желание доказать, что она не обязана.

Это было плохим признаком.

— Давай меньше руками, — сказала она после остановки.

— Я почти не использую руки.

— Я не про силу в кистях. Ты уже решаешь моё направление корпусом до того, как я закончила standing leg.

Леон задумался, а не обиделся.

— Потому что если ждать полного окончания, мы потеряем скорость.

— Если не ждать вообще, скорость будет твоей, не нашей.

— Тогда покажи, где тебе нужно раньше получить информацию.

Ответ был профессиональным. Мира это оценила.

Следующие двадцать минут они действительно искали момент подготовки. Леон уменьшил объём. Мира стала раньше освобождать пространство. Несколько фрагментов улучшились.

Но стоило включить полный трек, как их старые реакции вернулись.

Леон усиливал ведение там, где чувствовал неопределённость.

Мира отвечала дополнительной собственной организацией.

Чем сильнее оба пытались помочь паре, тем меньше в ней оставалось пары.

После тренировки Леон честно сказал:

— Это можно перестроить. Но быстро не будет.

— Я знаю.

— И мне кажется, тебе придётся изменить больше, чем ты рассчитываешь.

Мира вытерла шею полотенцем.

— Тебе тоже.

Леон улыбнулся.

— Конечно. Иначе я бы искал ту же партнёршу под другим именем.

Эта фраза ей понравилась больше всей тренировки.

Они попробовали последнюю румбу без Елениных остановок. Леон уменьшил амплитуду и действительно стал давать подготовку позже. Мира заставила себя не отвечать раньше времени. Несколько счётов возникло пространство, в котором движение перестало быть борьбой. Затем он почувствовал приближение стены, принял решение резко изменить направление и снова собрал её корпус раньше, чем она закончила перенос веса.

Мира успела. Она всегда успевала. На видео ошибка, возможно, выглядела бы как маленькая потеря мягкости. Внутри она ощутила другое: ей пришлось выбирать между собственным балансом и тем, чтобы подтвердить его решение.

Это можно было тренировать. Почти всё можно было тренировать.

Вопрос был не в том, возможно ли перестроить их реакции, а в том, что именно они будут строить месяцами. С Эмилем им пришлось бы создавать больше живой реакции внутри слишком знакомой системы. С Леоном — заново договариваться о праве каждого человека завершать собственное действие. Обе задачи были реальными. Ни одна пока не давала Мире ощущения, ради которого стоило поставить на неё весь сезон.

Партнёрство от этого не стало подходящим.

К вечеру у Миры было два проведённых урока, сорок пять минут собственной физподготовки и письмо от авиакомпании: билет в Кёльн можно перенести с доплатой. Она оставила бронь открытой. Потерять небольшой сбор сейчас было дешевле, чем покупать новый билет за неделю до старта, если к тому времени у неё всё-таки появится пара.

За первую неделю поиска деньги начали приобретать новую форму.

Каждая проба требовала зала. Если присутствовала Елена — coaching. Если кандидат приезжал из другого города, иногда они делили транспорт. Пара ещё не существовала, но уже стоила денег.

Мира перенесла примерку нового платья на октябрь. Старое было достаточно хорошим для первого старта, если первый старт вообще состоится.

Это решение ей не нравилось.

Но оно было рациональным.

Третья проба прошла в пятницу.

С Даниэлем Кроссом было легче всего.

И именно поэтому первые сорок минут Мира почти решила, что нашла партнёра.

Он был тридцатидвухлетним датчанином, последние полтора года работавшим в Вене. По росту подходил. По скорости тоже. Не пытался исправить её на ходу. Спокойно слушал. Если не понимал замечание, переспрашивал. В ча-ча-ча они довольно быстро нашли удобную дистанцию. В румбе не было ощущения, будто тело Миры должно заново изучить собственные размеры.

Не было и ничего выдающегося.

Но после двух неудобных проб нормальность казалась роскошью.

После тренировки они пошли в кафе через дорогу. Елена не пошла с ними — сказала, что разговор о целях не нуждается в свидетеле.

Мира заказала эспрессо. Даниэль — чай и сэндвич.

— Сколько стартов ты хочешь до мая? — спросила она.

Он пожал плечами.

— Четыре. Может, пять.

— До Crown?

— Я не уверен, что поеду на Crown в первый сезон.

Мира решила, что ослышалась.

— Почему?

— Потому что это дорого. И если мы начнём сейчас, я бы лучше сделал два сильных Grand Prix и один Continental, чем восемь раз летал ради рейтинга.

— Не восемь. У меня план на семь-восемь, но часть можно убрать по результатам.

— Вот именно.

Он сказал это без насмешки.

— Что именно?

— У тебя уже есть план на восемь стартов с человеком, которого неделю назад не существовало.

Мира поставила чашку.

— Есть календарь возможностей. Это не одно и то же.

— Хорошо. Тогда моя возможность — четыре.

Она спросила про тренировочный объём.

Четыре дня в неделю. Иногда пять. Не больше четырнадцати часов пары. Два вечера он оставлял ученикам и не собирался от них отказываться. Летом хотел на три недели уехать к семье. Если к концу сезона они войдут в топ-30, будет считать год успешным.

Мира слушала и понимала: никакой проблемы нет.

Даниэль был взрослым профессионалом, который точно знал, сколько спорта хочет в своей жизни.

Просто Мира хотела больше.

— Ты хочешь финал Crown? — спросил он наконец.

— Да.

— В этом сезоне?

— Да.

Он немного помолчал.

— Тогда тебе не нужен я.

Не «ты слишком амбициозная».

Не «это нереально».

Просто факт.

Мира кивнула.

— Похоже, нет.

Они допили кофе почти дружелюбно.

Вечером она вернулась в Atelier 17 на индивидуальную тренировку. Елена заканчивала урок с юниорской парой, поэтому Мира двадцать минут работала одна: перенос веса, медленная румба, контроль стопы, затем короткий ча-ча-ча без полного объёма.

Без партнёра зеркало становилось бесполезно честным.

Она хорошо танцевала.

Очень хорошо.

И ни один процент этого качества сам по себе не решал её задачу.

Когда юниоры ушли, Елена подошла к ней.

— Кросс?

— Нет.

— Почему?

— Хочет четыре старта. Grand Continental Crown вообще не считает обязательным. Цель — топ-тридцать.

— Звучит разумно.

— Для него.

— Да.

Мира выключила музыку.

На стене над колонкой висели часы. Было девять вечера. За неделю она провела три пробы, одиннадцать ученических уроков, две физические тренировки и ни одной настоящей парной практики.

В таблице оставались ещё две фамилии.

Один кандидат мог приехать только через три недели. Второй утром написал, что начал пробу с другой партнёршей и хочет сначала закончить её.

Срок до конца сентября внезапно перестал выглядеть просторным.

— Есть ещё кто-то? — спросила Мира.

Елена не ответила сразу.

Это сразу означало, что есть.

— Кто?

— Адриан Келлер.

Мира повернулась к ней.

Имя она знала, конечно.

Несколько лет назад его невозможно было не знать. Высокий, быстрый, очень заметный на паркете. Один сезон — почти прорыв, следующий — новая партнёрша. Потом ещё одна. Затем он исчез из крупных стартовых листов и начал появляться в рекламных роликах шоу, на мастер-классах, в чужих постановках.

— Нет, — сказала Мира.

Елена усмехнулась.

— Я ещё ничего не предложила.

— Он два года нормально не соревновался.

— Почти два.

— У него сколько было партнёрш за последние пять лет?

— Меньше, чем ты сейчас мысленно насчитала.

— Очень обнадёживает.

Елена взяла бутылку воды с пола и протянула ей.

— Он свободен. Он твоего уровня. По росту подходит. Может базироваться в Вене. И когда он был в форме, у него было то, чего тебе никогда особенно не хватало.

Мира не взяла бутылку.

— Что именно?

— Способность не заканчивать движение до того, как оно случилось.

Фраза показалась ей намеренно раздражающей.

— Это красивый способ сказать «непредсказуемость»?

— Нет. Непредсказуемость у него тоже есть. Это как раз часть проблемы.

— Тогда зачем мне такая проблема?

Елена посмотрела на неё спокойно.

— Потому что, возможно, твоя проблема не в том, что тебе нужен партнёр твоего уровня.

Мира скрестила руки.

— А в чём?

— В том, что тебе нужен партнёр, рядом с которым ты способна измениться.

Несколько секунд в зале было слышно только вентиляцию.

Мира почувствовала то же раздражение, что после слов Максима: ответ без конкретной задачи, которую можно выполнить прямо сейчас.

— Я ищу спортивного партнёра, а не программу личностного роста.

— Отлично, — сказала Елена. — Адриан тоже наверняка считает, что меняться нужно кому-нибудь другому.

Мира всё-таки взяла бутылку.

— Он вообще хочет возвращаться?

— Не знаю.

— Ты с ним говорила?

— Нет.

— То есть весь твой план заключается в человеке, который может не хотеть выступать?

— Это не мой план.

Елена кивнула на сумку Мира, где лежала распечатанная таблица.

— У тебя уже есть план. Я предлагаю пробу.

Мира посмотрела на часы.

Потом на своё отражение.

Потом снова на Елену.

— Дай номер.

Елена улыбнулась только одним уголком рта.

— Вот теперь можно начинать искать партнёра.

ГЛАВА 3

20 сентября, Вена

Адриан понял, что проба пойдёт плохо, на третьем счёте самбы.

Не потому, что Мира ошиблась.

Она вообще почти не ошибалась.

Именно в этом заключалась первая проблема.

Он дал ей чуть больше пространства вправо, чем требовал знакомый им обоим базовый рисунок, — не как проверку и не как ловушку, просто потому, что так естественно продолжилась траектория его корпуса. Мира уже была там. Не отреагировала. Была.

На долю секунды раньше, чем он закончил предложение.

Адриан продолжил движение, не меняя лица. В зеркале за её плечом Елена Варди сидела у стены, положив одну ногу на другую, и наблюдала с таким выражением, будто происходящее не имело к ней никакого отношения.

Конечно.

Это она позвонила ему шесть дней назад и сказала:

— Вейрова ищет партнёра.

— Я слышал.

— Тогда сэкономим время на новостях. Ты свободен?

— Для чего?

Елена помолчала ровно столько, чтобы вопрос прозвучал глупо.

Адриан тогда стоял в коридоре студии в Берлине между двумя частными уроками. Через двадцать минут ему нужно было объяснять владельцу стоматологической сети, почему быстрый ча-ча-ча не становится быстрее оттого, что тот начинает сильнее двигать плечами. Вечером был прогон коммерческой постановки, на следующий день — поезд в Вену на мастер-класс.

Жизнь была заполнена достаточно плотно, чтобы не спрашивать, чего в ней не хватало.

— Я не знаю, хочу ли возвращаться, — сказал он.

— Я не спрашивала, хочешь ли ты возвращаться. Я спросила, свободен ли ты для пробы.

Елена никогда не позволяла использовать большой вопрос вместо маленького.

Через день ему написала сама Мира. Коротко. Без предисловий, без комплиментов прошлым результатам, без фразы «мне всегда нравилось, как ты танцуешь».

«Елена дала ваш контакт. Если вы рассматриваете возвращение в международный circuit, предлагаю пробу. 20 сентября, Atelier 17, 11:00—12:30. Зал свободен. Если время не подходит, могу предложить 23 сентября после 16:00».

Как приглашение на обследование.

Адриан перечитал сообщение дважды и почему-то согласился именно на одиннадцать.

Теперь, через двенадцать минут после начала, он начинал подозревать, что резервное окно можно было оставить стоматологу.

До начала всё выглядело проще. Адриан пришёл на десять минут раньше и застал Миру уже в зале. Она не разогревалась эффектно перед зеркалом и не просматривала телефон. Сначала провела ладонью по одному участку паркета у длинной стены, потом переставила в сторону забытый кем-то складной стул и только после этого начала работать стопами у станка. Зал она проверяла так же, как, вероятно, проверяла всё остальное: что может повлиять на результат и можно ли убрать это заранее.

Он поздоровался, и первые пять минут ушли на вопросы, которые взрослые спортсмены задавали прежде, чем касались друг друга. Текущая база. Свободные дни. Были ли ограничения после старых травм. Сколько часов он реально способен дать паре в первые недели.

На последнем вопросе Адриан ответил:

— Сначала надо понять, существует ли причина давать их вообще.

Мира не обиделась.

— Согласна.

Это тоже было лучше, чем он ожидал.

В профессиональной среде проба редко являлась только танцем. За каждым движением стояли география, деньги и чужие расписания. Можно было идеально совпасть на паркете и через двадцать минут выяснить, что один человек готов жить в Вене, а второй — только приезжать два дня в неделю. Можно было хотеть одинаковых результатов и не иметь одинаковых средств на восемь перелётов, coaching и новую программу. Можно было нравиться тренерам и ненавидеть один и тот же тренировочный режим.

Адриан уже проходил достаточно проб, чтобы не романтизировать сам факт возможности.

Но Мира была первым кандидатом за долгое время, ради которого он перенёс два оплаченных урока, а не поставил встречу между ними. Эта деталь раздражала его ещё до музыки.

— Ещё раз? — спросила Мира.

Она не выглядела раздражённой. Пока.

На ней были чёрные тренировочные брюки, короткий тёмный топ и мягкие латинские туфли без страз. Волосы собраны так туго, будто даже они участвовали в расписании. Никакой попытки понравиться, никакой демонстрационной версии себя.

Это Адриану нравилось.

То, как она двигалась рядом с ним, — значительно меньше.

— Давай, — сказал он.

Они вернулись на исходную.

Первые несколько минут были посвящены basics, как и договорились заранее. Адриан предпочитал на пробах именно это. Хореография слишком легко маскировала несовместимость: оба человека знали, куда обязаны прийти, и могли какое-то время изображать партнёрство за счёт собственной техники. В простом действии спрятаться было сложнее.

Музыка пошла снова.

Он снизил объём корпуса и намеренно оставил подготовку чуть позднее.

Мира всё равно организовалась раньше.

На этот раз движение получилось хуже. Её вес уже уходил в следующее действие, когда его центр только закончил создавать направление. Адриан успел изменить траекторию, чтобы не столкнуть её с собственной осью.

Она мгновенно остановилась.

— Ты поменял timing.

— Подготовку.

— Для меня это поменяло timing.

— Потому что ты уже пошла.

Мира посмотрела на него прямо.

— Потому что на предыдущих двух повторах ты давал информацию раньше.

— На предыдущих двух повторах ты начинала отвечать до того, как я закончил её давать.

Пауза длилась секунду.

Елена у стены отпила кофе.

Адриан почти услышал, как её это развлекает.

— Хорошо, — сказала Мира. — Сделай так же ещё раз.

— Как в последний раз?

— Да.

— То есть теперь ты заранее знаешь, что я сделаю.

— Я хочу проверить, где именно появляется несовпадение.

Это был безупречно разумный ответ.

И безупречно бесполезный для той вещи, которую хотел проверить он.

— Ладно.

Они повторили.

На этот раз всё получилось чисто.

Мира подняла подбородок, как будто доказательство лежало между ними на паркете.

— Видишь?

— Вижу. Теперь ты знала решение.

— Конечно. Мы же повторяли конкретную задачу.

— Именно.

Она выдохнула через нос.

— Мы можем хотя бы первые двадцать минут не превращать это в философский спор?

— Я думал, это технический.

— Тогда тем более.

Адриан улыбнулся.

Она — нет.

Хорошо. Значит, легенда о том, что Мира Вейрова на тренировке экономит улыбки, была не совсем выдуманна.

Он знал её давно, не зная её совсем.

Они оказывались на одних соревнованиях, сборах, общих ужинах после турниров. Несколько раз здоровались в коридорах. Один раз, лет пять назад, она стояла рядом с ним у экрана с результатами и совершенно спокойно сказала своей подруге, что судья номер семь «видимо, сегодня ставит только тех, кто способен пережить собственную хореографию». Адриан тогда рассмеялся, хотя фраза предназначалась не ему.

Танцевала она иначе, чем разговаривала.

На паркете в ней не было холода. Была огромная направленность. Она всегда казалась человеком, который знает точное место следующей секунды и собирается оказаться там раньше всех остальных.

С Максимом Рейнером это выглядело убедительно. Они двигались так, будто давно договорились не тратить время на подтверждение очевидного.

Теперь Адриан впервые ощущал обратную сторону этой эффективности.

Мира не ждала очевидного.

Она его производила.

— Самба? — предложил он.

— Мы уже танцуем самбу.

— Не basics. Движение.

Она на секунду посмотрела на Елену.

Та пожала плечами.

— Вы взрослые люди.

Мира пошла к колонке.

— Сорок пять секунд.

— Щедро.

— Для первой пробы достаточно.

Адриан промолчал.

Ему самому сорока пяти секунд более чем хватало, чтобы понять ещё одну вещь: его собственное тело давно не существовало внутри соревновательной пятидневки.

Он был в форме. Шоу не позволяло распуститьсь, а преподавание восьми-десяти часов в день иногда утомляло сильнее одной тренировки. Но это была другая форма. В шоу он знал трек, свет, пространство, партнёров и количество повторов. В большом спорте требовалось

снова уметь выводить тело на максимум несколько раз за день, остывать, разогреваться и всё равно сохранять скорость в последнем джайве.

Последний раз он по-настоящему делал это почти два года назад.

Он не собирался сообщать Мире данный факт как новость. Она наверняка уже посчитала. Музыка началась.

Первые восемь счётов они прошли почти прилично.

Потом стало ясно, что их центры понимают объём совершенно по-разному.

Адриан строил движение через продолжение импульса. Если вес уже создавал направление, он предпочитал использовать его дальше, а не сначала стабилизировать форму и только потом отпускать следующий объём.

Мира делала иначе. Её корпус каждый раз собирался раньше, чем он ожидал, будто она закрывала действие на одну внутреннюю точку раньше него.

Отдельно это было технически сильным.

В паре он чувствовал, как движение упирается в невидимую стену.

На диагонали он добавил больше rotation, пытаясь провести энергию через общий центр.

Мира сразу компенсировала.

Не сорвалась. Не потеряла баланс. Просто стала устойчивее именно там, где ему требовалось, чтобы она позволила траектории продолжиться.

На следующем счёте они оба исправили предыдущий.

И столкнулись плечами.

Музыка продолжала играть.

Адриан остановился первым.

Мира потянулась к телефону.

— Нет, — сказал он.

Она обернулась.

— Что?

— Не надо сначала.

— Я хотела выключить.

— Тогда надо.

Она выключила музыку.

Адриан провёл ладонью по затылку.

— Ты меня стабилизируешь.

— Я стабилизирую себя.

— В этом и проблема.

— Это интересная формулировка.

— Когда я продолжаю движение, ты собираешь центр так, будто ждёшь, что я его потеряю.

— Потому что ты продолжаешь его после точки, где у меня заканчивается опора.

— У тебя не заканчивается опора. Ты её заканчиваешь.

Взгляд Миры стал совсем неподвижным.

— Покажи.

Он ожидал возражения.

Вместо этого она подошла ближе и встала на место.

Вот это тоже ему понравилось.

Никакого «я танцую двадцать семь лет». Никакого «мне так всегда говорили». Если замечание можно было проверить физически, она проверяла.

Адриан поставил ладонь на её лопатку — рабочий контакт, ничего больше — и попросил:

— Не увеличивай движение. Просто не закрывай правую сторону, когда почувствуешь, что я продолжаю.

— На каком счёте?
— Не знаю.
Она убрала руки.
— Что значит «не знаешь»?
— Значит, я хочу понять, можешь ли ты получить изменение, а не подготовиться к нему.
— Ты хотя бы знаешь, какое изменение?
— Да.
— Тогда почему нельзя сказать?
Потому что если сказать, подумал Адриан, я проверю твою память, а не нашу пару.
Он произнёс это вслух.
Мира несколько секунд молчала.
Потом снова подняла руку.
— Один раз.
Адриан усмехнулся.
— Как страшно.
— Если ты уронишь меня, второй раз не понадобится.
— Вот теперь я чувствую доверие.
— Его нет.
Это прозвучало не грубо. Просто точно.
Он кивнул.
— Справедливо.
Они сделали упражнение без музыки.
На первом изменении Мира всё равно ответила слишком рано.
На втором почти позволила импульсу пройти, но в последний момент собрала корпус.
На третьем Адриан сам дал направление недостаточно ясно. Она задержалась, он попытался исправить его рукой, и Мира тут же отступила.
— Вот это не делай.
— Знаю.
— Тогда зачем сделал?
— Потому что понял ошибку поздно.
— И решил закончить её моей рукой.
— Да.
— Прекрасно.
— Видишь, мы уже нашли что-то общее. Оба исправляем слишком рано.
На этот раз её рот дёрнулся.
Не улыбка. Предупреждение о возможной улыбке.
У стены Елена наконец поставила стакан на пол.
— Пятнадцать минут без разговоров.
Мира повернулась.
— Сейчас как раз есть что разбирать.
— Именно поэтому. Вы оба пытаетесь объяснить друг другу то, чего пока не умеете делать вместе.
— И что ты предлагаешь?
— Румбу.
Адриан посмотрел на неё.
Елена продолжила:
— Простую. Без вашей любимой археологии по трём миллиметрам корпуса. Поставьте музыку и дойдите до конца фразы.
— Какую задачу? — спросила Мира.

— Не мешать друг другу.

— Это не задача.

— Сегодня — задача.

Мира явно хотела спорить, но пошла к колонке.

Адриан отпил воды.

Он уже знал достаточно, чтобы закончить пробу.

Слишком высокий для её привычной геометрии. Слишком разные школы. Она завершила действие раньше него. Он, когда не получал ответа, имел плохую привычку добавлять информацию вместо того, чтобы сделать исходную яснее. На быстрых танцах это могло превратиться в месяцы взаимного раздражения.

И ещё деньги.

Если он вернётся в circuit, придётся отдать соревнованиям часть самых прибыльных выходных. Сдвинуть частных учеников. Снова платить за coaching, гостиницы, перелёты, костюмы, регистрацию. Последняя попытка стоила ему достаточно, чтобы после неё идея стабильного дохода перестала казаться капитуляцией.

Мира явно собиралась идти не на четыре старта в год.

Её сообщение само по себе имело вид человека, который уже мысленно забронировал май.

Никаких причин усложнять жизнь не было.

Началась румба.

Первые несколько счётов подтвердили решение.

Дистанция была слишком большой.

Не физически — между их телами оставалось ровно столько места, сколько требовал рисунок. Но Мира привыкла создавать объём раньше и дальше от партнёра, а Адриан ждал, что пространство появится после его действия. В результате оба слегка отступали друг от друга в тот момент, когда каждый считал, что освобождает место второму.

Елена ничего не говорила.

Адриан перестал пытаться исправить.

Это было почти облегчением.

Он просто продолжил музыку.

Мира закончила перенос веса. Он почувствовал момент окончания не глазами и не через руку — по тому, как изменилась линия её центра. Обычно здесь он бы сразу предложил следующее направление.

Почему-то не предложил.

Оставил полсчёта пустыми.

Мира тоже ничего не подготовила.

В первый момент Адриан решил, что они оба опоздали.

Потом музыка как будто открылась между двумя действиями.

Он изменил корпус.

Не сильнее. Яснее.

Мира ответила после него, а не одновременно.

Её вес пришёл точно в то пространство, которое возникло секунду назад и не существовало заранее.

Адриан продолжил.

Она не закрыла правую сторону.

Он не стал добавлять рукой.

Следующие несколько тактов прошли без необходимости спасать, доказывать или объяснять.

Не идеально.

На одном шаге её свободная нога пришла быстрее, чем ему хотелось. Его собственный центр на rotation оказался чуть выше оптимального. Дистанция всё ещё была непривычной.

Но движение происходило между ними.

Не рядом.

Не заранее.

Между.

И так же внезапно исчезло.

На следующем opening Мира снова подготовила форму раньше, Адриан почувствовал это и сам ответил привычным увеличением lead. Они вышли из короткого пространства обратно в две отдельные системы.

Музыка продолжалась ещё секунд десять.

Мира остановилась.

Елена не сказала ничего.

Адриан посмотрел на Миру.

Она смотрела не на него — в зеркало, чуть в сторону, как будто пыталась увидеть там только что случившийся фрагмент.

— Ещё раз с того места, — сказала она.

И вот теперь он точно знал, что проба закончена.

Потому что если они попробуют воспроизвести это немедленно, Мира превратит восемь секунд в задачу, он попытается повторить собственное ощущение, и оба получают аккуратную подделку.

— Нет.

Она повернулась.

— Почему?

— Потому что сейчас мы уже знаем, чего ждём.

— В этом обычно и заключается тренировка.

— Возможно. Но сегодня была проба.

— И?

Адриан посмотрел на часы. До конца аренды оставалось двадцать три минуты.

Двадцать три оплаченных минуты, заметил он автоматически. Соревновательная жизнь быстро возвращала старые способы считать деньги.

— И первые пятьдесят минут были достаточно плохими, чтобы не притворяться, будто восемь хороших секунд всё решили.

Мира скрестила руки.

— Я не собиралась притворяться.

— Хорошо.

— Но они были.

— Были.

Елена по-прежнему молчала.

Мира посмотрела на неё.

— Ты специально ничего не скажешь?

— Сегодня вы оба и без меня разговаривали достаточно.

— Очень полезный coaching.

— Счёт пришлю вечером.

Адриан рассмеялся.

Мира бросила на него быстрый взгляд, в котором раздражение впервые смешалось с чем-то ещё — не симпатией, не теплом. Профессиональным признанием того, что он увидел тот же фрагмент.

Этого было достаточно.

Он пошёл к скамье и начал менять обувь.

Через час у него был частный урок на другом конце города. Вечером — два человека подряд, потом созвон по постановке октябрьского шоу. Всё привычное расписание по-прежнему существовало.

Почему-то теперь оно ощущалось не таким завершённым.

Мира села через два места от него.

— Я могу двадцать третьего после четырёх, — сказала она.

Адриан затянул шнурок тренировочного кроссовка.

— У меня уроки до пяти.

— В шесть?

Он мог сказать нет.

Это было бы разумно.

Пятьдесят минут плохой совместимости против восьми секунд потенциально хорошей — статистика не в пользу нового сезона.

Но профессиональный спорт редко начинался со статистики, которой можно доверять.

— В шесть, — сказал он.

Мира кивнула, уже доставая телефон, чтобы внести время в календарь.

Адриан посмотрел на это и подумал, что, возможно, совершает ошибку.

Потом вспомнил восемь секунд румбы.

Ошибка, по крайней мере, заслуживала второй проверки.

ГЛАВА 4

23 сентября, Вена

За три дня Мира придумала пять способов проверить восемь секунд румбы.

Первый был самым очевидным: взять тот же музыкальный фрагмент и повторить последовательность с максимально близкими исходными условиями. Второй — сделать то же без музыки, чтобы убрать влияние конкретного акцента. Третий — изменить вход в opening и посмотреть, останется ли качество связи. Четвёртый — проверить тот же принцип в самбе. Пятый она записала утром двадцать третьего, а через минуту вычеркнула как слишком искусственный.

К шести вечера лист всё равно лежал у неё в сумке.

Елена увидела его, когда Мира доставала резинку для волос.

— Что это?

— Ничего.

— Тогда удивительно, что у ничего пять пунктов и стрелки.

Мира сложила лист вчетверо.

— Я хочу понять, что именно сработало в прошлый раз.

— А если ничего конкретного?

— Так не бывает.

— Бывает. Иногда совпадает несколько условий, которые вы ещё не умеете различать.

— Значит, надо различить.

Елена посмотрела на неё поверх очков.

— За девяносто минут?

— Для начала.

— Я вижу, Максим действительно нанёс тебе серьёзную травму. Восемь лет позволял получать ответы.

Мира не отреагировала. Шутка была слишком близка к тому, о чём она старалась не думать.

После первой пробы с Адрианом она почти не танцевала в паре. Провела восемь индивидуальных уроков, дважды сходила в зал одна, один раз — к Инес на силовую. Тело было свежее, чем ей нравилось. В обычном сентябре к этому моменту икры уже напоминали о возвращении полного объёма, а кожа между пальцами требовала пластыря не потому, что действительно болела, а потому что скоро могла начать.

Сейчас ничего не болело.

Зато каждый свободный час выглядел как доказательство отсутствия партнёра.

Дверь открылась без минуты шесть.

Адриан вошёл в тех же чёрных тренировочных брюках, но с другой сумкой и бумажным стаканом кофе. Волосы ещё были влажными у висков, как после душа или слишком быстрой дороги между двумя залами.

— Я успел, — сказал он вместо приветствия.

— Ты опоздал на минус одну минуту, — ответила Мира.

Он посмотрел на часы.

— Опасная тенденция. Через пару месяцев начну приходить вовремя.

Елена сказала:

— Если через пару месяцев вы всё ещё будете приходить в один зал, это уже будет достижение.

Адриан поставил кофе к стене.

Никакой неловкости после первой пробы не было. Это Мира понравилось. Он не вёл себя так, будто восемь хороших секунд создали между ними обязательство, и не пытался обесценить их, чтобы сохранить возможность уйти. Просто переобулся, спросил, сколько времени у них сегодня, и начал разминаться.

— Девяносто минут, — сказала Мира. — Я бы начала с румбы.

— Конечно, начала бы.

— Есть возражения?

— Нет. Есть предсказуемость.

Она решила не отвечать.

Через десять минут предсказуемость стала её главной проблемой.

Мира поставила тот же трек, который звучал в прошлую пятницу. Не потому, что верила в магию конкретной музыки. Наоборот: одинаковый материал уменьшал количество переменных.

Они встали примерно в ту же позицию.

Адриан посмотрел на неё.

— Ты сейчас знаешь, чего ждёшь?

— Я знаю, какую последовательность мы делаем.

— Это не ответ.

— Да. Я знаю, чего жду.

— Тогда уже плохо.

— Адриан.

— Всё, молчу.

Музыка началась.

Первый проход получился аккуратным.

И совершенно пустым.

Мира закончила перенос веса, сознательно не стала готовить следующее действие, дождалась изменения его корпуса, ответила после него — технически именно так, как будто выполнила вывод прошлой пробы.

Но никакого пространства между действиями не возникло.

Была последовательность.

Он сделал. Она дождалась. Она сделала.

Слишком последовательно.

На втором повторе Адриан оставил больше времени. Мира ждала ещё внимательнее. В результате оба опоздали к музыкальному акценту.

На третьем он дал направление раньше. Она отреагировала нормально, но их дистанция снова выросла: оба создавали место друг другу вместо общего объёма.

Мира остановила музыку.

— Хорошо. Значит, дело не просто в том, что я жду.

— Это было бы слишком дёшево.

— Что ты сделал тогда иначе?

— Не знаю.

— Ты серьёзно?

— Я знаю примерно. Я не попытался сразу дать следующее действие.

— Это мы сейчас сделали.

— Нет. Сейчас я специально не пытался дать следующее действие.

Она смотрела на него несколько секунд.

— Объясни разницу так, чтобы это можно было использовать.

Адриан потер ладонью подбородок.

— Тогда я получил от тебя окончание движения и ответил на него. Сейчас я ждал, чтобы доказать, что умею ждать.

— Это всё равно звучит как описание ощущения.

— Потому что пока это и есть ощущение.

— На ощущении нельзя построить пять танцев.

— Согласен.

Ответ раздражил её сильнее, чем если бы он начал спорить.

— Тогда что предлагаешь?

— Продолжать, пока не поймём.

— Очень системно.

— Я могу сделать таблицу, если тебе станет легче.

— Не надо. Ты испортишь форматирование.

Он рассмеялся.

Елена хлопнула ладонью по сиденью стула.

— Отлично. Развлеклись. Теперь двадцать минут без слов.

Мира повернулась к ней.

— В прошлый раз было пятнадцать.

— Вы быстро прогрессируете.

— Какая задача?

— Не румба.

Елена поднялась и подошла ближе.

— Самба. Простая последовательность. Без вашей хореографии. Адриан, ты не меняешь направление ради проверки Мира. Мира, ты не угадываешь изменение ради проверки себя. Ваша задача — понять, где именно один из вас перестает получать другого.

— Это всё-таки разговорная задача, — заметила Мира.

— Поэтому говорить нельзя.

Они начали.

На первых минутах стало хуже, чем три дня назад.

Без обсуждений Мира не могла немедленно остановить повтор и назвать источник несовпадения. Каждый раз, когда Адриан продолжал движение дальше её привычной точки, тело автоматически собирало центр. Она замечала это уже после действия и была вынуждена жить со следствием до конца музыкальной фразы.

Адриан тоже становился менее точным. Если Мира не отвечала на первую информацию так быстро, как он ожидал, в следующем повторе его подготовка иногда становилась шире. Не сильнее рукой — после их первой пробы он почти не повторял эту ошибку, — но корпус начинал сообщать больше, чем требовалось.

На шестом проходе Мира поняла, что его «реакция» имеет собственную форму контроля. Просто он контролировал не заранее.

Он контролировал после того, как что-то уже пошло не так.

Она едва удержалась, чтобы не остановить музыку.

Продолжили.

Её левая стопа пришла чуть ближе, чем обычно. Адриан должен был либо сократить движение, либо изменить направление. Он выбрал сокращение. Мира почувствовала решение только в середине переноса веса и впервые не стала спасать длину шага. Просто закончила меньший объём.

Следующий счёт получился легче.

Не красиво — легче.

На следующем повторе такого не произошло.

Но теперь Мира знала, что искать.

Не отсутствие собственной инициативы.

Момент, в который информация другого человека действительно меняет уже начатое действие, не разрушая его.

Когда Елена наконец сказала «стоп», Мира поняла, что вспотела сильнее, чем после обычной двадцатиминутной самбы. Не из-за нагрузки. Из-за количества импульсов, которые ей приходилось замечать и не исправлять немедленно.

Адриан упёр руки в бёдра и несколько раз глубоко вдохнул.

— Ну? — спросила Мира.

— Я думал, говорить нельзя.

— Уже можно.

— Тогда я первый: ты закрываешь движение раньше, когда не уверена, что будет дальше.

— Я закрываю его, чтобы сохранить баланс.

— Иногда. А иногда ты сохраняешь баланс, который я вообще не собирался у тебя забирать.

Она хотела возразить, но вспомнила шестой проход.

— Возможно.

Адриан поднял брови.

— Записать дату?

— Не трать время. Теперь моя очередь.

— Боюсь.

— Ты тоже контролируешь.

— Разумеется.

— Нет. Не так. Когда я не отвечаю сразу, ты начинаешь увеличивать информацию. Не рукой — корпусом, объёмом, иногда скоростью подготовки. Ты как будто считаешь, что если реакция не пришла, причина в том, что сигнал был недостаточно большим.

Улыбка исчезла с его лица.

Вот теперь Мира поняла, что попала не в поверхностную привычку.

Адриан отошёл на два шага, воспроизвёл без неё начало того же действия и остановился.

— Ещё раз, — сказал он самому себе.

Сделал меньше.

Потом ещё раз.

Елена не вмешивалась.

— Да, — сказал он наконец. — Есть.

Это «есть» неожиданно изменило для Мира всю пробу.

Не потому, что он согласился с ней.

Потому что три дня назад она сама почувствовала уважение к его способности сказать «знаю», когда он поздно исправил lead рукой. Сейчас он сделал то же, что от неё требовал: не защитил привычку, а проверил её телом.

— Значит, у нас две проблемы, — сказала она.

— Больше.

— Я говорю про этот кусок.

— Тогда две.

— Я слишком рано организую ответ.

— А я слишком быстро решаю, что ответа нет.

— Вот. Это уже можно тренировать.

— Ты выглядишь счастливой.

— Потому что это конкретно.

— Теперь мне понятно, почему Елена переживает.

Мира посмотрела на тренера.

Елена пожала плечами.

— Я переживаю в основном за свой счёт. Вы оба используете меня слишком мало.

Они вернулись к румбе только через сорок пять минут после начала пробы.

На этот раз Мира предложила другой трек.

Адриан ничего не сказал, но она увидела, что он понял причину: если качество зависело только от знакомого музыкального промежутка, оно не стоило сезона.

Первый проход снова развалился на дистанции.

Во втором Мира слишком внимательно ждала и стала поздней.

В третьем Адриан сделал подготовку настолько ясной, что она почти почувствовала раздражение: отвечать было слишком легко. На следующем он попытался уменьшить сигнал, и теперь уже ясности не хватило.

— Не больше и не меньше, — сказала Мира, когда они остановились. — Раньше.

— Что раньше?

— Намерение. Не действие.

Адриан замер.

Она подошла к нему и без музыки показала его же подготовку с места, где ощущала её слишком поздно.

— Ты иногда оставляешь свободу до момента, когда мне уже нужно выбрать траекторию. Тогда я либо угадываю, либо ты потом добавляешь информацию.

— Если я дам намерение раньше, ты не начнёшь делать за меня?

— Скорее всего, начну.

Он коротко рассмеялся.

— Хороший план.

— Поэтому это и есть проблема пары, а не одного человека.

Фраза вышла прежде, чем Мира успела оценить её.

Пары.

Не пробы.

Она почувствовала это слово почти физически и тут же исправила:

— Потенциальной пары.

— Конечно, — сказал Адриан.

Он не улыбался.

Они попробовали снова.

Ничего чудесного не произошло.

Дистанция на втором opening всё ещё оказалась слишком большой. На rotation Мира снова собрала правую сторону раньше, чем требовал его импульс. В одном месте Адриан запоздал с намерением, и она пошла по собственному варианту. Они остановились, вернулись, повторили.

Но теперь между плохими эпизодами появлялись короткие работающие куски не один раз за час, а несколько.

Три счёта.

Пять.

Одна почти целая музыкальная фраза, после которой Мира не могла сказать, кто именно сделал её хорошей.

Это было важнее восьми секунд.

Восемь секунд можно было объявить случайностью.

Повторяющиеся условия — уже нет.

Елена посмотрела на часы и неожиданно сказала:

— Ча-ча. Пять минут.

Мира повернулась к ней.

— Сейчас?

— Именно сейчас. Вы оба начинаете нравиться себе в медленной музыке. Я хочу проверить, что останется, когда времени на переговоры не будет.

Проверка оказалась неприятно эффективной.

В ча-ча-ча всё, что они успели различить в румбе, происходило слишком быстро. Мира дважды начала перенос раньше, чем Адриан закончил preparation. Он один раз попытался изменить траекторию на скорости и дал намерение так поздно, что она выбрала собственное направление. На chasse их ноги пришли в одинаковый timing, но корпуса оказались заняты разными задачами: Мира уже собирала следующую позицию, Адриан ещё использовал предыдущий импульс.

На четвёртом проходе они едва не столкнулись коленями и оба остановились.

— Отлично, — сказала Елена.

Адриан тяжело выдохнул.

— У тебя очень странные критерии успеха.

— Я не сказала, что вы хороши. Я сказала, что проблема та же. Это полезнее, чем новая проблема каждые три минуты.

Мира провела ладонью по влажной коже над ключицей.

Елена была права. Скорость не создала другого конфликта — только лишила их возможности его спрятать. Она всё ещё пыталась оказаться в следующем действии раньше, чем становилось ясно, каким оно будет. Адриан всё ещё рассчитывал, что сможет уточнить решение позже, если первое предложение окажется недостаточным. В румбе между этими привычками иногда помещалась музыка. В ча-ча-ча — почти ничего.

И странным образом это успокаивало.

Проблема была большой, но хотя бы одной.

С Максимом Мира много лет считала скорость доказательством качества: чем быстрее менялась ситуация на паркете, тем точнее работала их накопленная система. С Адрианом скорость пока делала очевидным отсутствие системы вообще. Нельзя было перескочить через этот этап только потому, что оба умели танцевать.

— Всё, — сказала Елена. — Теперь хватит. Если захотите узнать больше, придётся стать парой и заплатить за следующий зал.

— Наконец-то честный финансовый аргумент, — сказал Адриан.

Мира посмотрела на часы. Елена нарочно остановила их за семь минут до конца оплаченного времени. Раньше Мира почти наверняка использовала бы эти семь минут хотя бы на один дополнительный повтор. Сегодня она неожиданно поняла, что не знает, что именно этот повтор должен был доказать.

И не включила музыку.

К моменту, когда они закончили, у Миры горели мышцы под рёбрами от непривычной работы корпуса, а правая икроножная была тяжелее левой. Обычная адаптация, не проблема. Она сделала несколько медленных подъёмов на стопе, проверила ощущение и перестала думать об этом.

Адриан сидел на полу у стены и менял обувь.

Елена ушла к стойке администратора распечатать им счёт за зал и собственное время, намеренно оставив их вдвоём.

Мира вытерла шею полотенцем.

— Ну?

Адриан поднял голову.

— Опять экзамен?

— Нам нужно решить, есть ли смысл продолжать.

— Сегодня?

— До конца сентября неделя.

— Конечно, ты посчитала.

— Я умею пользоваться календарём.

— Я тоже. Просто стараюсь не злоупотреблять.

Мира села на скамью напротив.

— Я не буду делать ещё четыре пробы только для того, чтобы месяц выяснять очевидное.

У нас либо есть основание строить пару, либо нет.

Адриан затянул шнурок.

— Основание есть.

Она ждала продолжения.

— И проблем достаточно, чтобы через неделю захотеть убить друг друга, — добавил он.

— Очень профессиональная формулировка.

— Ты поняла смысл.

— Поняла.

Он встал.

Теперь, без танцевальной обуви, разница в росте снова стала очевиднее. На паркете Мира ощущала её как геометрию. Здесь — просто как факт, который придётся учитывать в каждом костюме, каждой линии, каждом общем кадре.

— Ты ведь хочешь Crown, — сказал Адриан.

— Да.

— Финал.

— Да.

— В этом сезоне.

— Да.

Он кивнул, будто подтверждал что-то самому себе.

— Я не могу обещать тебе финал.

— Я не просила.

— Ты бы попросила, если бы можно было получить гарантию.

Мира не стала спорить.

— А ты чего хочешь?

Адриан посмотрел в сторону зеркал.

Ответ занял у него слишком много времени.

— Вернуться настолько серьёзно, чтобы потом не говорить себе, что я просто попробовал.

Это было почти конкретно.

Для него, возможно, очень конкретно.

— Это не результат, — сказала Мира.

— Знаю.

— И всё же?

— И всё же пока так.

Она почувствовала знакомое желание нажать сильнее. Вытащить цифру, место, турнир, срок. Превратить чужую неопределённость в условие договора.

Но сегодня они девяносто минут выясняли, что происходит, когда один человек отвечает раньше, чем другой закончил информацию.

Мира закрыла рот.

Адриан заметил это.

— Вот это было сложно? — спросил он.

— Невероятно.

— Тогда, может, у нас всё-таки есть шанс.

Елена вернулась с двумя листами счёта.

— Я что-то пропустила?

— Пока нет, — сказала Мира.

Адриан взял свой лист, посмотрел на сумму, потом снова на неё.

— Если делать это, я не хочу обещать пять лет, три года или даже два. Я уже достаточно раз строил карьеру так, будто само обещание что-то гарантирует.

Мира почувствовала, как внутри автоматически начинает формироваться возражение.

Он продолжил:

— Но один сезон я могу обещать. Полностью. Без запасного варианта на случай, если первый старт будет плохим. До Crown. А после него решим, существует ли у этой пары следующий сезон.

В зале стало тихо.

Неделя до конца регистрации.

Шесть с небольшим недель до Кёльна.

Пять танцев, которые пока не существовали вместе.

Дистанция, которую они не умели держать.

Центр, о котором спорили уже дважды.

Его привычка ждать до последнего.

Её привычка не ждать вообще.

Никаких гарантий.

Мира посмотрела на Адриана.

Впервые за три недели перед ней был не кандидат из таблицы.

Была работа.

Очень большая.

И впервые это не показалось ей причиной отказаться.

— Один сезон, — повторил Адриан.

ГЛАВА 5

25—30 сентября, Вена

В пятницу в семь двенадцать утра Адриан получил от Миры письмо с темой «Сезон».

Внутри было одно предложение.

«Посмотри до встречи, пожалуйста».

И вложение.

Он открыл его ещё в постели, совершив тем самым первую ошибку дня.

Таблица занимала девять месяцев.

Сентябрь был почти закончен, май заканчивался тремя красными клетками Барселоны. Между ними стояли Кёльн, Верона, январский Grand Prix в Лиссабоне, Прага, Копенгаген, Афины, Цюрих и несколько турниров, рядом с которыми Мира поставила вопросительные знаки. Другим цветом были отмечены сборы, примерные даты работы с Еленой, возможные дни перелётов и недели, когда нельзя увеличивать нагрузку перед стартом.

Ниже шла вторая вкладка.

«Нагрузка».

Третья называлась «Бюджет».

Четвёртая — «Работа».

На ней Адриан сел.

Его имя находилось в левой колонке. Справа стояли часы преподавания, которые он называл Мире два дня назад между румбой и счётом за зал, когда она спросила, сколько времени у него сейчас занято постоянно. Понедельник — вечер. Вторник — почти весь день. Четверг — три постоянные пары. Суббота — частники и иногда мастер-класс.

Мира не только запомнила.

Она встроила это в сезон.

Адриан пролистал вниз.

В ноябре одна из его суббот исчезала из-за Кёльна. В январе — два рабочих дня из-за Лиссабона. В марте красная полоса перекрывала возможный коммерческий проект, о котором он упомянул как о вероятном, но ещё не подтверждённом.

В соседней колонке стояло: «нужно решить до 10 октября».

Он посмотрел на экран телефона, потом на часы.

Через сорок восемь минут начинался первый урок.

Адриан написал:

«Ты составила моё расписание?»

Ответ пришёл через минуту.

«Нет. Я составила карту конфликтов».

Он почти рассмеялся.

«Разница?»

«В первом случае я решаю за тебя. Во втором мы знаем, где придётся решать».

Адриан долго смотрел на сообщение.

Ответ был настолько в её стиле, что раздражаться на него становилось сложнее.

Он всё равно раздражался.

К одиннадцати они встретились не в зале, а в маленьком кафе через два квартала от Atelier 17. Мира уже сидела у окна. Перед ней лежали распечатанные формы IPDU, паспорт, лицензия, ноутбук и тонкая папка с прозрачными файлами.

Адриан поставил чашку на стол.

— Ты носишь с собой принтер?

— Нет.

— Жаль. Было бы завершённо.
— Я распечатала в студии.
Он сел напротив.
— Ты внесла мои уроки в таблицу.
— Я внесла те часы, которые ты сам назвал.
— И решила, в какие дни я могу лететь.
— Я ничего не решила. Я отметила, где перелёт пересекается с твоей работой.
— Красным.
— Красный хорошо видно.
— У тебя есть цвет для человеческого выбора?
Мира подняла взгляд от формы.
— Белый. Пустая клетка.
Несколько секунд Адриан просто смотрел на неё.
Потом рассмеялся.
Она не улыбнулась сразу, но угол рта всё-таки дрогнул.
— Ладно, — сказал он. — Что нужно подписать?
— Пока ничего. Сначала договориться.
Это удивило его больше таблицы.
— Я думал, ты уже договорилась за обоих.
— Если бы могла, мы бы сейчас не сидели здесь.
Она повернула ноутбук к нему.
На экране была не таблица турниров, а список из семи пунктов.
Тренировки. Coaching. Залы. Соревнования. Деньги. Работа. Прекращение партнёрства.
Последняя строка ему не понравилась.
— Ты уже запланировала расставание?
— Я запланировала правила на случай, если мы поймём, что не можем работать.
— На второй день существования пары.
— Она ещё не существует.
— Спасибо, это успокаивает.
Мира закрыла крышку ноутбука наполовину.
— Адриан, ты сам предложил один сезон. Я согласна. Но «полностью» должно что-то означать кроме хорошей формулировки в раздевалке.
Это было справедливо.
И именно поэтому он почувствовал сопротивление.
Два дня назад обещание казалось простым. До Crown. Не сбегать после первого плохого результата. Работать серьёзно. В зале оно звучало как решение взрослого человека.
На экране решение распалось на понедельники, авиабилеты и суммы.
Адриан взял распечатку бюджета.
— Семьдесят четыре тысячи?
— Семьдесят пять с половиной в базовом сценарии.
— Ты сейчас исправила сумму вверх?
— Ты пропустил физиотерапию.
— Конечно.
Она показала строки пальцем.
— Это общий объём сезона, не то, что мы должны завтра положить на стол. И часть расходов личная. Обувь, grooming, индивидуальная физподготовка. Парные — зал, coaching пары, регистрации, часть поездок — делим пополам, если отдельно не договоримся.
— Костюмы?
— Каждый свои.

— Контент?

— Если появится спонсор — сначала обсуждаем, что он реально покрывает. Не считаем бесплатную футболку деньгами.

Адриан провёл ногтем по краю листа.

— У меня нет тридцати пяти тысяч свободными.

— У меня тоже.

Он поднял голову.

В первый момент ему показалось, что Мира шутит. Нет.

— У тебя была международная карьера восемь лет подряд.

— Именно поэтому я знаю, сколько она стоит.

— Я думал, у тебя хотя бы запас на сезон.

— У меня есть резерв примерно на четыре месяца жизни. Не на то, чтобы девять месяцев не работать и одновременно оплачивать спорт.

Это немного изменило картину.

Мира всегда выглядела так, будто любая организационная проблема уже оплачена авансом. Адриан автоматически приписал финансовую устойчивость той же части её характера, которая носила с собой запасные пластыри и знала даты регистрации раньше администратора.

Оказалось, таблица была не признаком отсутствия ограничений.

Наоборот.

Она существовала потому, что ограничения были.

— Сколько уроков ты ведёшь? — спросил он.

— Сейчас восемь-двенадцать в неделю. В хорошие недели больше. Но если у нас будет пять тренировочных дней и физика, я не хочу постоянно жить на пятнадцати.

— Почему?

— Потому что после пятнадцати индивидуалок я начинаю экономить ноги на собственной тренировке. Это плохой способ заработать на спорт.

Адриан кивнул.

Это он понимал слишком хорошо.

В шоу было проще: контракт называл сумму заранее. Ты знал, сколько стоит неделя репетиций, сколько выступлений, где гостиница оплачена заказчиком. Соревновательный спорт работал наоборот. Сначала ты платил за возможность стать достаточно хорошим, чтобы через несколько месяцев кто-то захотел заплатить тебе за мастер-класс.

— У меня вторник занят почти целиком, — сказал он. — Не «может быть занят». Занят. Это мои самые стабильные деньги.

— Хорошо.

— И три пары в четверг я не перенесу на утро только потому, что тебе удобнее тренироваться после физики.

— Я не просила.

— В таблице четверг свободен после двух.

Мира открыла ноутбук снова.

— Потому что ты сказал: три пары вечером.

— А до них я иногда беру постановки.

Она посмотрела на него.

— Иногда — это сколько?

Он уже знал, что не понравится ей собственный ответ.

— По-разному.

— Это не единица времени.

— Вот сейчас я начинаю понимать, почему ты не любишь пустые клетки.

— Я люблю пустые клетки. Я не люблю, когда они притворяются свободным временем.

В кафе включили кофемолку. Разговор на несколько секунд утонул в механическом гуле. Адриан смотрел на таблицу.

В какой-то момент ему захотелось закрыть её и сказать, что всё это можно решить по ходу. Он почти услышал собственный привычный голос: сначала начнём, потом поймём реальный ритм, не нужно проектировать ноябрь в сентябре.

Только ноябрь был через шесть недель.

И если они собирались танцевать Кёльн, тренировочный ритм уже начинался сегодня.

— Давай так, — сказал он. — Фиксируем ядро. Не всю жизнь.

Мира чуть подалась вперёд.

— Что ты называешь ядром?

— Четыре обязательных парных блока в неделю до Кёльна. Пятый — плавающий. Плюс coaching, который назначаем минимум за неделю. Мои вторники не трогаем. Твои уроки тоже не считаем чем-то, что автоматически можно отменить.

— Четырёх мало.

— Для чего?

Она уже открыла рот.

— Нет, — перебил Адриан. — Не «для международной пары». Для какой конкретно задачи сейчас?

Мира остановилась.

Он увидел знакомый процесс: возражение было готово раньше вопроса, но на этот раз она заставила себя проверить его.

— Нам нужно собрать пять программ хотя бы в тренировочную форму, — сказала она. — И начать физическую адаптацию. Четырёх парных блоков мало, если каждый по полтора часа.

— Тогда два из них длинные.

— По два с половиной?

— По два. После двух с половиной на новой геометрии мы всё равно будем учиться усталости, а не танцу.

Она подумала.

— Четыре фиксированных. Два по два часа, два по девяносто минут. Пятый плавающий — до двух часов. Если есть coaching, он входит в объём, а не добавляется сверху автоматически.

— Вот. Уже похоже на жизнь.

— До Кёльна.

— До Кёльна.

Она внесла изменения.

— Теперь турниры, — сказала Мира.

— Я надеялся, что это слово появится позже.

— Кёльн — седьмого ноября. Регистрация закрывается пятнадцатого октября. Если заявляться после десятого, гостиницы рядом с площадкой уже станут заметно дороже.

— Мы ещё ни разу не протанцевали пять танцев подряд.

— Я знаю.

— Ни разу.

— Поэтому я не говорю, что мы готовы. Я говорю, что решение о старте тоже нельзя принимать утром шестого ноября.

Он посмотрел на строку Rhein Star Open. Рядом Мира написала: «цель — финал?» и поставила знак вопроса.

Адриан постучал по нему пальцем.

— Это твоё.

— Да.

— Ты правда сейчас ожидаешь финал?

Она не ответила сразу, и он почти оценил паузу как маленькую победу над таблицей.

— Я ожидаю, что буду хотеть финал, — сказала Мира. — Это не то же самое, что считать его вероятным.

— Хорошо. Потому что вероятным я его пока не считаю.

— Я тоже.

Это удивило его.

— Ты вчера хотела Crown.

— Я хочу его и сегодня. Но между тем, чего я хочу в мае, и тем, что мы объективно можем показать через шесть недель, есть разница.

Адриан откинулся на спинку стула.

Вот эту Миру он знал хуже. Не ту, которая ставила максимально высокий результат, а ту, которая умела отделить желание от прогноза. Возможно, в профессиональной среде именно это и делало её опаснее людей, которые громко объявляли целью победу на каждом турнире.

— Тогда моя цель в Кёльне, — сказал он, — не спасать программу.

Мира нахмурилась.

— Это не место.

— Я знаю. Если мы дойдём до двадцати четырёх и всё ещё будем танцевать как два человека, которые тушат пять разных пожаров, место будет почти случайным. Я хочу пройти несколько раундов и не чувствовать, что каждое изменение на паркете уничтожает следующий кусок.

Она посмотрела на него так внимательно, что он уже ожидал возражения.

Вместо этого Мира напечатала в соседней клетке: «не спасать программу».

— Ты серьёзно это записала?

— Ты сформулировал цель.

— Она ужасно выглядит в таблице.

— Тогда формулируй красивее.

— Нет. Оставь.

Станным образом рядом с её «финал?» его фраза выглядела правильнее, чем если бы он заставил себя придумать цифру. Они хотели от одного турнира разного, но не взаимоисключающего. Мира хотела проверить, насколько далеко их уже могут пропустить судьи. Адриан — существует ли пара под давлением, а не только в пустом зале.

— И ещё, — сказал он. — Две комнаты. Всегда.

Мира подняла глаза.

— Разумеется.

— Просто проверяю бюджет.

— Я не собиралась экономить на гостинице таким способом.

— Отлично. Наконец-то пункт, по которому у нас полная техническая совместимость.

Адриан заметил, что впервые за утро не чувствует желания отобрать у неё ноутбук.

После кафе они поехали в офис IPDU при венском представительстве. Регистрация оказалась менее торжественной, чем обещание в пустом зале: два паспорта, две действующие индивидуальные лицензии, подтверждение прекращения прежних пар, банковский перевод, подписи под правилами сезона.

В форме была строка «Дата начала партнёрства».

Мира написала: 25 сентября.

В соседней графе требовалось указать тренировочную базу. Мира вписала Вену. Адриан на секунду задержал ручку над строкой, где нужно было подтвердить, что никакое другое профессиональное партнёрство не зарегистрировано параллельно. Формальность, очевидная для любого спортсмена, вдруг показалась ему точнее всех разговоров последних дней: эта подпись

не обещала результата, но закрывала удобную возможность считать всё происходящее временной пробой.

Он поставил галочку.

Адриан смотрел, как чернила высыхают на бумаге.

Так просто.

Две недели назад он не собирался возвращаться в большой спорт. Пять дней назад не знал, сможет ли закончить с Мирой одну румбу без взаимного раздражения. Теперь существовала дата, после которой международная база будет считать их одной спортивной единицей.

— Последний шанс передумать, — сказала Мира.

— Ты говоришь это до оплаты или после?

— После дороже.

Он подписал.

Первую официальную тренировку они провели вечером.

И она была плохой.

Это почему-то обрадовало Адриана.

Не сама плохая работа — удовольствия в том, что на третьем повторе самбы Мира снова преждевременно собирала центр и обрезала продолжение его импульса, не было. Но несколько часов документов и разговоров могли создать опасное ощущение, будто решение сделало их парой в техническом смысле.

Паркет быстро вернул точность формулировок.

Документы существовали.

Пары пока почти нет.

— Ты снова закрылась раньше, — сказал он после очередного прохода.

— Потому что ты дал движение больше, чем в прошлый раз.

— Больше — не значит дольше.

— Для моего центра в этом месте значит.

Он уже собирался сказать: просто попробуй не собирать.

Остановился.

Мира заметила.

— Что?

— Ничего. Хотел дать очень плохой совет.

— Какой?

— «Просто не делай».

Она неожиданно улыбнулась.

— Хорошо, что спортивная карьера научила тебя вовремя молчать.

— Не карьера. Последние две пробы.

Они разобрали только начало самбы и короткий участок румбы. Не стали проверять ча-ча-ча. Не потому, что проблема исчезла, а потому что на сегодня им хватало двух вещей, которые не получались.

В субботу Адриан переставил четыре урока на следующие две недели и отказался от однодневной коммерческой постановки в Граце. Деньги были не огромные, но совершенно реальные. Он несколько минут смотрел на сообщение заказчика перед тем, как написать, что не сможет.

Раньше спорт существовал в его жизни там, где оставалось место после оплачиваемой работы.

Теперь впервые за два года он сам освободил для него место.

В понедельник Мира прислала обновлённую таблицу.

В ней стало меньше красного.

И больше серого.

«Фиксировано».

Адриан открыл вкладку «Работа» и обнаружил, что его вторники теперь были обведены тонкой рамкой с пометкой: «не трогать без согласования».

Он написал ей:

«Очень трогательно».

Мира ответила:

«Это не забота. Это инфраструктура».

Он засмеялся вслух посреди кухни.

Тридцатого сентября подтверждение IPDU пришло в 16:43.

Veyrova / Keller — Active Professional Latin Partnership.

Ниже стояла provisional ranking position: 118.

Сто восемнадцатые.

Через десять минут они отправили заявку на Rhein Star Open. Регистрационный взнос был невозвратным после закрытия приёма, гостиницу Мира нашла с бесплатной отменой до конца октября, а билеты решили не покупать ещё два дня — Адриан ждал подтверждения переноса субботнего мастер-класса.

Когда приложение банка показало перевод его половины регистрационного взноса, сумма оказалась почти смешной по сравнению с сезонным бюджетом. Но именно она впервые заставила Кёльн перестать быть клеткой в чужой таблице. Теперь существовал турнир, на который их действительно ждали под общей фамильной строкой.

Адриан поймал себя на том, что открыл список участников. Лукаса и Софии там не было; они выбирали более крупный старт неделей позже. Зато уже зарегистрировались Габриэль Штерн и Лена Орлова, которых он помнил ещё по собственному последнему полноценному сезону, и несколько пар, стабильно доходивших до поздних раундов. Никакого удобного «возвращения». Даже если они с Мирой станут заметно лучше за шесть недель, место всё равно придётся отбирать у людей, которые эти шесть недель не стояли на месте.

Это почему-то понравилось ему больше, чем могло бы.

Адриан показал экран Мире перед вечерней тренировкой.

— Поздравляю. Мы официально хуже ста семнадцати пар.

Она даже не моргнула.

— Формально выше нас больше. Индивидуальный коэффициент ещё не полностью обновился.

— Я хотел пошутить.

— Я поняла.

— Нет, не поняла.

— Поняла. Просто сто восемнадцатое место действительно временное.

Он убрал телефон.

— Знаешь, иногда ты удивительно последовательна.

— Иногда?

В этот день у них было два часа.

Мира заранее написала три задачи: дистанция в румбе, центр в самбе, общий timing в коротком участке ча-ча-ча.

Адриан добавил четвёртую.

— Закончить вовремя.

Она посмотрела на часы.

— Мы ещё даже не начали.

— Поэтому есть шанс успеть.

— Это не тренировочная задача.

— Для нас — очень даже.

Мира покачала головой, но не вычеркнула пункт.

Они начали с румбы.

На втором opening расстояние опять оказалось слишком большим.

Адриан почувствовал момент, когда Мира собиралась исправить его уже в следующем движении, и сам едва не сделал то же — увеличить lead, добавить ясности задним числом.

Оба остановились почти одновременно.

— Ты сейчас... — начала она.

— Да.

— Я тоже.

— Отлично. Значит, мы очень быстро учимся делать ошибки осознанно.

— Это всё ещё прогресс.

Она сказала это совершенно серьёзно.

Адриан посмотрел на неё и вдруг понял, что согласен.

Не потому, что они стали хорошо танцевать.

До хорошего было далеко.

Но пять дней назад «один сезон» означал для него ограничение: удобный срок, после которого можно снова решить, чего он хочет.

Теперь у фразы появились часы. Деньги. Пропущенная постановка. Четыре фиксированные тренировки. Пятый плавающий блок. Заявка в Кёльн. Сто восемнадцатая строка международного рейтинга.

И женщина напротив, которая не стала свободнее от того, что он попросил оставить пустые клетки, но всё-таки оставила их.

Он, в свою очередь, впервые за долгое время вписал в них не случайную работу.

А обязательство.

Адриан включил музыку.

— С начала?

Мира уже приготовилась ответить.

Он увидел это по тому, как она вдохнула.

Она тоже заметила.

Пауза длилась всего секунду.

— Нет, — сказала Мира. — С того места, где мы оба остановились.

— Вот теперь узнаю партнёра.

— Не преувеличивай. Мы существуем пять дней.

— Четыре часа семнадцать минут как официально.

Мира посмотрела на него.

— Ты посчитал?

— Я умею пользоваться календарём.

На этот раз она рассмеялась первой.

ГЛАВА 6

2—5 октября, Вена

В пятницу Мира трижды объяснила одному и тому же ученику, что проблема начинается не со стопы.

— Ты уже решил, куда пойдёшь, раньше, чем закончил перенос веса, — сказала она, присев перед зеркалом так, чтобы видеть его *standing leg* сбоку. — Поэтому свободная нога вынуждена спасать действие. Не проси её быть быстрее. Дай опорной ноге закончить работу.

Ученик кивнул, повторил короткий кусок ча-ча-ча и на этот раз действительно остался над опорой на долю секунды дольше.

— Вот, — сказала Мира. — Теперь скорость появилась не потому, что ты поспешил, а потому, что тебе было откуда уйти.

Он улыбнулся отражению.

Мира тоже улыбнулась и одновременно подумала, что через сорок минут будет спорить с Адрианом почти об обратном.

Её последний урок закончился в 16:20. В 16:33 она уже сидела на полу малого зала Atelier 17, меняла тренировочные туфли и просматривала на телефоне двенадцатисекундный фрагмент ча-ча-ча с тренировки среды.

Они существовали как зарегистрированная пара неделю.

За эту неделю выяснилось, что регистрация не делает лучше ничего, кроме календаря.

В румбе дистанция по-прежнему иногда раскрывалась раньше, чем им обоим было нужно. В самбе Мира продолжала собирать центр в тот момент, когда Адриан считал, что действие ещё развивается. Но именно ча-ча-ча раздражал её сильнее всего, потому что здесь проблема была достаточно быстрой, чтобы маскироваться под случайность.

На видео они дважды проходили один и тот же *opening* почти одинаково. В третий раз Адриан задерживал действие чуть дольше. Мира уже начинала следующий перенос, потому что предыдущие два повтора научили её ожидать его раньше. Их *timing* расходился меньше чем на счёт, но на полной скорости этого хватало: вместо одной пары получались два очень качественных человека, которые случайно выбрали одну музыку.

Она поставила видео на паузу.

Адриан вошёл в зал с бумажным стаканом кофе и рюкзаком через плечо.

— Ты опять смотришь среду?

— Смотрю двенадцать секунд.

— Это всё ещё среда.

— В среду мы сделали этот кусок девять раз. Пять получились по-разному.

Он поставил кофе у стены.

— И четыре одинаково?

— Не настолько, чтобы считать это системой.

— Я не уверен, что хочу танцевать ча-ча-ча системой.

Мира подняла глаза.

— Началось.

— Я только вошёл.

— Ты уже сказал вещь, после которой нам понадобится сорок минут.

Адриан усмехнулся и стал разминать голеностоп.

— Тогда давай сэкономим. Я не сказал, что техника не нужна. Я сказал, что не хочу одинаково исполнять один музыкальный кусок девять раз.

— А я не хочу девять раз получать разную подготовку и потом угадывать, какой из вариантов сегодня называется музыкальностью.

Улыбка исчезла не сразу, но достаточно заметно.

— Я не заставляю тебя угадывать.

— На третьем повторе в среду заставил.

— Потому что ты ушла раньше.

— Потому что первые два раза ты дал действие раньше.

Елена Варди вошла как раз на этой фразе. Она несла маленькую колонку и папку, хотя колонка в зале была стационарной.

— Хорошо, — сказала она. — Уже начали без меня.

— Мы экономим время, — ответил Адриан.

Елена посмотрела на Миру.

— Плохая идея. Она воспримет это буквально.

Мира проигнорировала замечание и протянула телефон.

— Посмотри третий повтор.

Елена посмотрела все девять.

Не прокручивала по кадрам. Не увеличивала. Только один раз вернулась к началу шестого.

— Покажите без музыки.

Они встали.

Мира знала этот тип задания. Без музыки исчезала возможность спрятать техническую неопределённость за акцентом. Но исчезала и сама причина, ради которой Адриан иногда хотел задержку.

Первые два действия прошли спокойно. На третьем Мира почувствовала его изменение корпуса и начала перенос.

— Стоп, — сказала Елена.

— Я рано, — сказала Мира.

— Да.

Адриан выдохнул через нос.

— Спасибо.

Елена даже не посмотрела на него.

— А ты поздно.

— Вот теперь спасибо меньше.

— Ты оба раза готовишь направление не в одном месте. Иногда к концу тройки уже ясно, куда ты её ведёшь. Иногда ты сохраняешь нейтральность почти до начала следующего действия и называешь это задержкой.

— Потому что иногда я хочу задержку.

— Задерживай действие. Не информацию.

Адриан перестал улыбаться.

Елена подошла ближе и показала рукой на его корпус, не касаясь.

— Если твой standing leg организован и направление корпуса читается к концу тройки, ты можешь оставить сам выход позже, сыграть внутри четыре-и-один, растянуть ощущение. Она успеет ответить. Но если ты сам до последнего не решил, куда создаёшь пространство, это не musicality. Это поздняя подготовка.

Мира почувствовала почти неприличное удовлетворение.

— А ты, — сказала Елена, повернувшись к ней, — перестань выглядеть так, будто выиграла дело.

Удовлетворение исчезло.

— Я ничего не сказала.

— У тебя очень разговорчивое лицо. Ты получила два одинаковых варианта и решила, что третий обязан быть таким же. Ты не слушала третий. Ты вспоминала второй.

Адриан теперь не сказал «спасибо».

Это немного утешило.

Елена включила медленный трек. Не соревновательный темп — процентов восемьдесят пять.

— Конец тройки — намерение читается. Четыре-и-один — вы можете играть временем, но никто не меняет задним числом направление. Мира, ты не уходишь со standing leg, пока информация не существует. Адриан, ты не добавляешь рукой и не увеличиваешь корпус, если она не ответила мгновенно. Ещё раз.

На медленной музыке всё стало почти оскорбительно простым.

Они сделали кусок четыре раза.

В первый Мира опоздала, потому что сознательно ждала дольше необходимого.

Во второй попала.

В третий Адриан задержал действие, но подготовил его вовремя, и она впервые не почувствовала желания догонять.

В четвёртый он изменил качество акцента, сохранив ту же информацию. Мира ответила позже, чем во втором повторе, но вместе с ним.

— Вот, — сказал Адриан.

— Это медленно.

— Ты умеешь радоваться чему-нибудь больше двух секунд?

— Я умею отличать упражнение от результата.

Елена выключила музыку.

— И оба снова разговариваете больше, чем двигаетесь.

— Мы уточняем задачу, — сказала Мира.

— Нет. Задача уже уточнена. Теперь ты хочешь уточнить каждый вариант её выполнения до того, как он случился.

— Потому что на полной скорости вариантов станет больше.

— Именно.

Елена поставила соревновательный темп.

Первый проход развалился на четвёртом счёте.

Во втором Мира ушла рано.

В третьем Адриан подготовился поздно.

В четвёртом они прошли двенадцать секунд чисто, но Мира сразу остановилась.

— На втором opening ты дал rotation позже.

— Я дал её ровно тогда, когда хотел.

— Ты дал её позже, чем в предыдущем.

— Да. Это и называется не танцевать под метроном.

— Мы сейчас не обсуждаем акцент. Я не успела получить направление до переноса.

— Ты перенесла вес до того, как я вообще закончил подготовку.

— Потому что ты её не закончил вовремя.

— Вовремя для чего? Для твоего решения, которое уже стояло готовым?

— Для общего timing.

— Общий timing — не значит, что я каждый раз обязан заранее сообщать тебе один и тот же ответ.

— Я не прошу тот же ответ. Я прошу ту же степень ясности.

— Ты просишь гарантировать тебе следующую секунду.

Фраза попала точнее, чем Мира ожидала.

Она выпрямилась.

— Нет. Я прошу партнёра быть воспроизводимым.

— А я прошу партнёра реагировать, а не проверять меня на соответствие предыдущему повтору.

— Реагировать на что? На ощущение, которое каждый раз возникает в другой момент?

— Вот поэтому у тебя всё превращается в задачу. Даже когда получилось, ты не танцуешь следующий раз — ты сдаёшь контрольную по прошлому.

Мира почувствовала, как внутри мгновенно собирается ответ. Конкретный, по пунктам, с видео и четырьмя повторами в доказательство.

Она уже открыла рот.

— Хватит, — сказала Елена.

Тишина в зале возникла настолько резко, что Мира услышала кондиционер.

Елена посмотрела на часы.

— Десять минут вы друг другу ничего не объясняете.

— Елена...

— Ничего.

— Но если он меняет подготовку, я должна хотя бы сказать...

— Нет.

Адриан скрестил руки.

— А если она опять уйдёт раньше?

— Тоже нет.

— Тогда что мы делаем?

— Танцуете.

Мира почти рассмеялась от раздражения.

— Это не задача.

— Очень конкретная. Десять минут. Короткий фрагмент. Не останавливаетесь после ошибки. Не исправляете её словами. Если действие распалось, следующий раз начинаете заново. Я хочу увидеть, что каждый из вас делает, когда не может управлять другим через объяснение.

Она включила таймер.

Первые полторы минуты были бессмысленными.

Мира дважды чувствовала ошибку Адриана и физически проглатывала комментарий. Это оказалось почти телесным усилием: мысль формировалась быстрее следующего счёта и не находила выхода. На третьем повторе она ушла рано, сразу поняла это и вместо остановки заставила себя закончить фрагмент.

Адриан ничего не сказал.

Его молчание раздражало почти так же, как объяснение.

Потом он ошибся сам. Подготовил направление поздно, Мира не успела, и их общий центр на долю секунды оказался между ними, никому не принадлежа. Раньше один из них немедленно остановился бы.

Они продолжили.

Следующий повтор оказался хуже.

Ещё один — лучше.

На шестой или седьмой раз Мира перестала считать.

Не потому, что внезапно отпустила контроль. Просто считать одновременно повторы, качество подготовки и музыку стало дороже, чем выполнять задачу.

Адриан подготовил направление к концу тройки. Мира осталась над standing leg. Он задержал сам выход дольше, чем два раза до этого.

Она почувствовала импульс начать раньше — и не начала.

Когда движение действительно пришло, времени оказалось достаточно.

Четыре-и-один.

Не одинаково с предыдущим повтором.

Но ясно.

Следующее действие они прошли вместе.

Потом ещё одно.

В зеркале Мира увидела не картинку, а неожиданное отсутствие необходимости что-либо спасать.

На следующем повторе всё снова развалилось: Адриан сам приготовил направление поздно.

И это было почти полезнее удачного куска.

Потому что теперь разница ощущалась физически.

Одно дело — когда он менял время действия, сохраняя намерение.

Другое — когда намерение действительно опаздывало.

Мира впервые почувствовала их не как одну и ту же проблему.

Таймер Елены прозвенел.

Они остановились.

Оба тяжело дышали не из-за физической нагрузки — двенадцать секунд не могли утомить профессиональных спортсменов настолько, — а из-за количества сдержанных реакций.

— Теперь можете говорить, — сказала Елена.

Адриан посмотрел на Миру.

Она ждала, что он начнёт первым.

Он не начал.

— Когда ты готовил направление к концу тройки, — сказала Мира, — мне было всё равно, насколько поздно ты делал само действие. Я успевала.

— Да.

— Когда ты не готовил — я не успевала, даже если пыталась ждать.

— Да.

Она помолчала.

— И два раза я ушла раньше при нормальной подготовке.

Адриан кивнул.

— Потому что ждала прошлый вариант.

— Да.

Это «да» далось ей сложнее второго.

Елена прислонилась к зеркальной стене.

— Прекрасно. Через десять минут вы получили четыре факта вместо сорока минут аргументов.

— Мы могли получить их быстрее, — сказала Мира.

— Нет, — одновременно ответили Елена и Адриан.

Мира посмотрела на обоих.

— Очень смешно.

— Ещё нет, — сказал Адриан. — Но потенциал есть.

Елена вернулась к колонке.

— Теперь зафиксируйте только то, что действительно нужно фиксировать. Не хореографию на всю жизнь. Одно правило для этого участка.

Мира открыла заметки на телефоне.

Адриан простонал.

— Она разрешила.

— Одно правило, — напомнила Елена.

Мира напечатала: «Намерение — читаемо к концу 3. Действие может меняться внутри 4&1».

Показала Адриану.

Он забрал телефон, добавил вторую строку: «Мира не уходит до информации».

— Это уже два правила.

— Это одно, просто с двумя людьми.

Елена кивнула.

— Оставьте.

Они попробовали ещё пять минут.

На восьмидесяти пяти процентах темпа правило работало почти каждый раз.

На полном — примерно через раз.

После сорока секунд непрерывной связи процент становился ещё хуже.

Мира почувствовала знакомое желание продолжить, пока хотя бы три прохода подряд не будут одинаково качественными.

На часах было 18:56. В 19:30 у неё начинался последний сегодняшний урок в другой студии через пятнадцать минут на трамвае. Зал был оплачен до семи.

— Ещё два, — сказала она.

— Один, — ответил Адриан.

— Два займут меньше минуты.

— И потом ты скажешь ещё два, если второй будет плохой.

— Не скажу.

Он посмотрел на неё.

— Ты сейчас обещаешь или прогнозируешь?

Мира вспомнила их разговор о Кёльне и невольно усмехнулась.

— Прогнозирую.

— Тогда один.

Елена ничего не сказала.

Они сделали один.

Не лучший.

Но рабочий.

Мира почувствовала, что на последнем четыре-и-один её вес оказался чуть впереди информации Адриана. Совсем немного. Достаточно, чтобы снова начать разбирать.

Она посмотрела на часы.

18:58.

— Всё, — сказала она.

Адриан поднял брови.

— Ты здорова?

— У меня урок.

— А. Медицинская причина.

— Финансовая.

Елена улыбнулась.

По дороге в другую студию Мира стояла в трамвае, держась одной рукой за холодный поручень. Икры были тёплыми, левая стопа слегка гудела после работы в ча-ча-ча, но это была обычная мышечная нагрузка, не боль. Гораздо сильнее ощущалась усталость в голове.

Она открыла видео последнего прохода.

Потом закрыла.

Не потому, что не хотела анализировать.

А потому что уже знала, что именно увидит.

Поздний урок закончился в 20:45. Когда Мира вернулась домой, она собиралась только поесть и лечь спать. Вместо этого через десять минут сидела на кухне с ноутбуком и открытым архивом старых соревнований.

Она искала не красивый танец. Не финал и не особенно удачный результат. Ей нужен был обычный ча-ча-ча с Максимом, снятый сбоку, где хорошо видно начало того же типа действия.

Нашёлся турнир двухлетней давности. Камера стояла неудачно, кто-то периодически проходил перед объективом, свет делал платье почти белым. Мира прокрутила первые двадцать секунд четыре раза.

Максим давал информацию очень рано.

Не демонстративно. Она даже никогда не называла это отдельным качеством. Его корпус начинал организовывать следующую траекторию ещё до того, как визуально заканчивалось предыдущее действие. Мира отвечала почти сразу, иногда раньше, чем внешнему зрителю было понятно, что он вообще предложил.

Со стороны это выглядело как скорость.

Изнутри восемь лет казалось просто нормой.

Она нашла другой ролик. Потом третий. В каждом было то же самое. Не одинаковый timing — Максим тоже играл музыкой, иногда сильно. Одинаковой была ранняя доступность информации. Их тела знали, сколько именно сигнала достаточно, чтобы не ждать подтверждения.

Мира откинулась на спинку стула.

Елена говорила об этом после ухода Максима другими словами. Восемь лет создают вещи, которые перестают ощущаться навыком пары и начинают казаться устройством мира.

Она открыла переписку с Адрианом.

Напечатала: «Посмотрела старые видео. С Максимом подготовка действительно была раньше».

Прочитала.

Добавила: «Возможно, я считаю нормальным то, что было нормальным только для нас».

Палец завис над отправкой.

Фраза выглядела слишком большой для одного тренировочного вечера. Слишком похожей на вывод, который хотелось немедленно превратить в новое правило.

Мира стёрла второе предложение. Потом первое.

Не потому, что передумала.

Просто пока это был факт о ней, а не инструкция для него.

Она закрыла ноутбук в 22:17.

На удивление, ничего не записав в таблицу.

На следующий день они работали без Елены.

Мира предложила первые двадцать минут провести на том же фрагменте и только потом переходить дальше. Адриан согласился без спора, что само по себе показалось подозрительным.

— Почему ты молчишь?

— Я сохраняю минуты для конфликта позже.

— Очень рационально.

— Учусь у тебя.

Они начали медленно, затем подняли темп.

Правило не превратилось в чудо.

Адриан дважды снова подготовил действие поздно. Мира трижды ушла раньше. На полном темпе они по-прежнему не могли гарантировать одинаковое качество даже на коротком участке.

Но теперь ошибка перестала быть бесформенной.

Мира могла отличить момент, когда её ранний перенос разрушал пространство, от момента, когда у неё действительно не было достаточной информации.

Адриан, похоже, тоже мог.

Это не сделало тренировку лёгкой.

Сделало её конкретной.

На пятом октября в календаре Миры стояло тридцать три дня до Кёльна.

Пять танцев всё ещё не существовали как единая соревновательная программа. Их provisional ranking оставался сто восемнадцатым. В списке Rhein Star Open появлялись новые фамилии. На совместном счёте расходов уже лежали аренда, регистрация и первый coaching, а Адриан на этой неделе потерял деньги за Грац, которые таблица теперь показывала отдельной серой строкой: «упущенный доход».

Ничего из этого не стало легче.

Но в воскресенье вечером, когда они снова дошли до того же места в ча-ча-ча, Адриан подготовил направление вовремя и задержал действие почти до предела.

Мира не угадала его решение.

Она дождалась его.

И успела.

Следующие четыре счёта тоже получились.

Потом она рано перенесла вес и всё испортила.

— Не говори, — сказал Адриан.

— Я ничего не сказала.

— У тебя лицо.

— Елена уже использовала эту шутку.

— Значит, она технически воспроизводима.

Мира закатила глаза.

Но не остановила музыку.

ГЛАВА 7

14 октября, Вена

К половине девятого утра Адриан уже трижды объяснил, что медленнее не означает позже.

На четвёртый раз он остановил музыку.

— Ещё раз без неё, — сказал он.

Ева, стоявшая напротив мужа в центре небольшого зала, вздохнула так, будто именно отсутствие музыки было последним препятствием на пути к международному финалу.

— Мы и так это делаем медленно.

— Вы делаете поздно. Это другое.

Он встал рядом с Томасом, показал начало действия и остановился до переноса веса.

— Если она узнаёт направление только здесь, у неё уже нет выбора. Она может либо угадать раньше, либо опоздать. Подготовка должна быть ясной до того, как ты потребуешь реакцию.

Слова прозвучали подозрительно знакомо.

Адриан замолчал.

Ева воспользовалась паузой:

— Так ты всё-таки говоришь, что он поздний?

— Я говорю, что вы оба очень талантливо превращаете одну ошибку в семейный спор.

Они засмеялись. Адриан включил музыку снова.

На этот раз Томас подготовил направление раньше. Ева не выскочила вперёд, пытаясь помочь. Получилось не красиво, но понятно.

— Вот, — сказал Адриан. — Теперь повторите то же самое.

И почти сразу услышал в голове Мирино: ещё раз.

Он посмотрел на часы.

До конца урока оставалось двенадцать минут.

Вторник был днём, который он отстоял в календаре ещё до регистрации пары. В старой жизни это даже не называлось бы «отстоять»: просто самый плотный преподавательский день недели, тот, который нельзя отдавать аренде зала и собственной спортивной тревоге. Теперь в общей таблице Миры вторник был обведён серым и подписан: «АДРИАН — РАБОТА. НЕ ТРОГАТЬ».

Формулировка его раздражала.

То, что она действительно не трогала этот день, раздражало чуть меньше.

К двум часам он провёл пять индивидуальных уроков. Между четвёртым и пятым съел йогурт, банан и половину сэндвича, сидя на подоконнике в коридоре, потому что в преподавательской обсуждали музыку для детского турнира и свободного стула не осталось.

Телефон показывал три новых сообщения.

Первое — напоминание от отеля в Кёльне о сроке бесплатной отмены.

Второе — счёт за два ближайших coaching с Еленой.

Третье пришло от Миры.

«Зал завтра подтверждён 16:00—18:00. Предлагаю первые 30 минут — тот же cha-cha, потом samba centre, потом программа кусками. Без full run».

Адриан перечитал последнее предложение.

Без full run.

Неделю назад она написала бы иначе. Или не написала бы вообще, а просто поставила в календарь то, что считала необходимым.

Он ответил: «Ок. Samba centre я возьму на себя».

Три точки появились почти сразу.

«Что значит возьму на себя?»

Он усмехнулся.

«Узнаешь завтра».

Ответа не было секунд двадцать.

«Это угроза?»

«Структурный план».

На этот раз она прислала только знак вопроса.

Адриан убрал телефон.

Следующий ученик уже переобувался у двери.

К семи вечера цифры в его банковском приложении выглядели лучше, чем утром, но не настолько, чтобы можно было перестать считать. За день он заработал сумму, которой примерно хватало на его половину двух аренд и одного coaching. Не на перелёт. Не на гостиницу. Не на костюм. Просто на несколько рабочих часов, в течение которых они с Мирой могли позволить себе исправлять то, что пока никто не платил им за исправление.

Раньше Адриан предпочитал не переводить спорт в такие единицы.

Деньги за шоу были деньгами за шоу. Уроки — уроками. Турнирные расходы появлялись, оплачивались, потом наступал следующий месяц.

Так было легче не видеть, сколько именно стоит решение снова попробовать.

В двадцать пять он однажды провёл почти весь февраль, соглашаясь на дополнительные тренировки и отменяя учеников всякий раз, когда тренер находил свободное окно. Тогда это казалось доказательством серьёзности. К апрелю оказалось, что серьёзность не оплачивает авиабилеты. Он занял деньги у отца, вернул через четыре месяца и никому об этом не рассказывал, потому что стыдно было не брать займы — стыдно было обнаружить, насколько мало он понимал собственную профессию за пределами паркета.

После этого Адриан научился не отменять рабочий день только потому, что спортсмен внутри него внезапно решил: ещё два часа обязательно изменят карьеру. Но настоящей финансовой системы всё равно не построил. Просто стал зарабатывать быстрее, чем тратил, когда получалось, и брать больше коммерческой работы, когда не получалось.

С Мирой такой туман не работал.

Теперь общая таблица всё видела за него.

В ней уже были регистрация Rhein Star Open, гостиница, аренда, coaching и отдельной серой строкой — Грац, от которого он отказался. Не расход. Упущенный доход.

Он сначала хотел удалить эту строку.

Потом оставил.

В среду Мира была в зале раньше него на девять минут.

Адриан проверил время специально.

Она разминала стопы у зеркала, перекатывая маленький мяч под сводом, и одновременно смотрела запись с прошлой тренировки без звука.

— Девять минут, — сказал он вместо приветствия.

— Что?

— Я опоздал относительно тебя всего на девять минут. Это прогресс.

— Ты пришёл вовремя.

— Я знаю. Но рядом с тобой это иногда ощущается как опоздание.

Мира закрыла видео.

— Ты написал, что берёшь самбу на себя.

— Добрый вечер и тебе.

— Добрый. Что это значит?

— Что первые тридцать минут после ча-ча-ча ты не будешь давать мне план.

Она посмотрела на него так, будто он предложил выключить электричество.

— Я не давала тебе план самбы.

— У тебя есть план самбы.

— Конечно.

— Вот.

— Наличие плана не означает, что я обязана его навязывать.

Адриан снял толстовку.

— Отлично. Значит, сегодня узнаем, правда ли это.

Первые полчаса ча-ча-ча были почти скучными.

Неделю назад Адриан счёл бы это оскорблением.

Теперь скука показалась признаком того, что они хотя бы перестали каждый повтор открывать новую разновидность одной и той же ошибки.

Они работали на восьмидесяти пяти процентах темпа. Намерение — до конца тройки. Действие могло задерживаться внутри четыре-и-один. Мира оставалась на *standing leg* до информации, а не до того момента, который запомнила с предыдущего повтора.

Получалось четыре раза из шести.

На полном темпе — два из пяти.

Никакого чуда.

Но когда они ошибались, Адриан уже понимал, какая именно версия ошибки произошла. Иногда он действительно запаздывал с подготовкой. Иногда Мира уходила раньше. Один раз оба сделали всё правильно и всё равно оказались чуть дальше друг от друга, чем требовал следующий кусок.

— Дистанция, — сказала Мира.

— Не сегодня.

— Она влияет на следующий счёт.

— Я знаю. Но если сейчас полезем туда, через двадцать минут будем обсуждать румбу.

Она открыла рот.

Потом закрыла.

— Хорошо.

Адриан едва не оглянулся, не стоит ли Елена за колонной.

Когда пришло время самбы, он поставил телефон на край зеркала камерой к залу и положил на пол две короткие полоски бумажного скотча.

Мира посмотрела вниз.

— Что это?

— Признаки морального падения.

— Адриан.

— Маркеры.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Она скрестила руки.

Он показал начало проблемного фрагмента. Не хореографию целиком — только участок, где её центр собирался раньше, чем он заканчивал использовать движение.

— Я всё время думаю, что ты меня останавливаешь здесь, — сказал он, коснувшись носком первой полоски. — Ты всё время думаешь, что я тащу тебя дальше, чем мы договорились.

— Потому что иногда ты действительно тащишь дальше.

— Согласен. Поэтому сегодня не буду.

Это сбilo её сильнее, чем спор.

— То есть?

— Шесть повторов. Одинаковая траектория. Одинаковая подготовка. Я заканчиваю движение относительно этой линии. Не меняю размер, даже если музыка просит. Ты не пытаешься сделать его лучше. Просто проверяем, что происходит.

Мира несколько секунд молчала.

— Ты хочешь шесть одинаковых повторов?

— Наслаждайся моментом. Второго может не быть.

— На каком темпе?

— Без музыки первые два. Потом медленно.

— И снимаем сбоку.

— Уже.

Она посмотрела на телефон.

— Ты всё продумал.

Адриан пожал плечами.

На самом деле он продумал это утром между двумя уроками.

Почти из злости.

Ему надоело, что Мира могла по одному повтору сказать, где именно его подготовка отличалась от предыдущей, а он отвечал, что разница была музыкальной, хотя иногда не был в этом уверен. Вариативность была частью того, за что его ценили. Он действительно умел менять движение в ответ на пространство и звук.

Но в новой паре это удобное достоинство слишком часто позволяло не отвечать на простой вопрос: смог бы он сделать то же действие одинаково шесть раз, если бы захотел?

Клара когда-то бросила ему почти ту же фразу после тренировки в Мюнхене: «Ты никогда не делаешь одно движение дважды». Тогда ему было двадцать четыре, они только начали получать серьёзные международные результаты, и Адриан принял это за комплимент. Он действительно гордился тем, что не выглядел записанным на плёнку и поставленным на повтор. Позже выяснилось, что Клара имела в виду другое: рядом с ним иногда приходилось каждый раз заново выяснять, какая версия действия существует сегодня.

Они тогда решили проблему не разговором о философии. Поставили видео, выбрали три точки подготовки и две недели работали до тех пор, пока вариативность не перестала менять основу. Адриан помнил результат и почти забыл метод. Возможно, потому что метод слишком плохо подходил к истории, которую он потом рассказывал себе о собственном танце.

Оказалось, что не сразу.

В первом повторе он вышел за ленту почти на половину стопы.

Во втором сократил движение заранее и почувствовал, как Мира тут же собралась раньше.

— Ты уменьшил, — сказала она.

— Знаю.

Она явно приготовилась объяснить.

— Не надо.

— Я ничего не сказала.

— У тебя лицо.

— Это уже перестаёт быть смешно.

— Для тебя.

Третий повтор получился чище.

Четвёртый — почти таким же.

На пятом Адриан услышал в музыке акцент, которого не было в предыдущем куске, и всё тело автоматически захотело растянуть действие ещё на долю.

Он не сделал этого.

Это оказалось странно физически. Не трудно — скорее противоестественно. Как услышать вопрос и сознательно ответить заученной фразой.

Мира закончила движение и посмотрела на него.

— Ты хотел изменить.

— Хотел.

— Почему не изменил?

— Потому что мы проверяем не музыку.

Она кивнула.

Шестой повтор оказался самым ровным.

Адриан подошёл к телефону.

На видео различие между первым и шестым выглядело почти смешным. Не драматическое исправление. Несколько сантиметров траектории, чуть более ясное начало корпуса, меньше необходимости компенсировать в конце.

Но Мира в шестом повторе не собирала себя заранее.

Потому что ей не приходилось угадывать, где закончится его движение.

Адриан прокрутил ещё раз.

— Ладно, — сказал он.

— Что?

— Ничего.

— Ты сейчас признал, что структура работает?

— Я сказал «ладно».

— Это почти исторический документ.

— Не увлекайся.

Мира улыбнулась, но не победно. И это почему-то облегчило ему жизнь.

— Теперь можно попробовать с музыкой нормально? — спросил он.

— Что значит нормально?

— Я меняю длину, если слышу причину. Но подготовку оставляю читаемой до того же момента.

Она сразу поняла.

— А я не фиксирую конечную точку заранее.

— Да.

— Три раза.

— Два.

— Адриан.

— Хорошо. Три.

Первый развалился почти сразу.

Во втором Мира ушла раньше.

На третьем музыка дала им длинный удар в начале фразы. Адриан позволил движению развернуться больше, чем в шести технических повторях, но сообщил направление в тот же момент.

Мира не осталась в старой точке.

Она изменилась вместе с ним.

Не идеально. В конце её плечо чуть раньше вернулось в форму, а его следующий шаг оказался шире, чем требовалось.

Но впервые изменение размера не выглядело как ошибка одного, которую второй срочно исправляет.

Оно прошло через обоих.

Музыка продолжалась.

Мира подняла руку, собираясь остановить.

Потом опустила.

Они протанцевали ещё восемь счётов и развалились на следующем переходе.

— Вот теперь стоп, — сказала она, тяжело выдохнув.

— Согласен.

Она пошла за водой.

Адриан посмотрел на полоски скотча на полу.

Структура не сделала движение одинаковым.

Она дала им точку, от которой можно было безопасно сделать его разным.

Это было не то, что он ожидал понять.

И уж точно не то, что собирался сообщить Мире.

— Я всё слышу, — сказала она от стены.

— Я молчу.

— Ты молчишь очень громко.

К концу тренировки они не сделали полный прогон.

Они перешли к короткому куску румбы и почти сразу обнаружили, что новое правило не переносится туда автоматически. Адриан дал направление раньше, как в ча-ча-ча, но в более медленной музыке эта ясность превратилась в излишнюю очевидность. Мира отреагировала точно — и движение стало плоским, будто оба заранее знали ответ и просто предъявляли его друг другу.

— Не универсально, — сказала она.

— Слава богу.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Если одно правило чинит все пять танцев, значит, мы случайно основали религию.

Она всё-таки рассмеялась. Потом сама убрала румбу из сегодняшнего списка. Не потому, что проблема исчезла, а потому, что они получили новую информацию и не успели бы проверить её качественно до конца аренды.

Ещё месяц назад Адриан ожидал бы от неё обратного: открыть ещё одну задачу, потому что она существует, и работать, пока хотя бы не будет поставлена галочка. Он заметил изменение и ничего не сказал.

Мира один раз предложила пройти три танца подряд. Адриан посмотрел на часы и напомним, что после восьми у него группа.

Она не спорила.

Вместо этого они закончили двумя короткими кусками — самбой и ча-ча-ча — и остановились ровно в восемнадцать ноль одну.

Адриан успел на работу без такси.

Группа была из двенадцати человек, и первые пятнадцать минут он чувствовал в ногах собственную тренировку. Не боль, не усталость, которая мешала бы работать. Просто более тяжёлые икры и непривычное ощущение центра после самбы. Он провёл разминку, поставил музыку и поймал себя на том, что снова объясняет подготовку действия раньше результата.

Один из учеников спросил, зачем делать один и тот же кусок несколько раз, если на вечеринке музыка всё равно будет другой.

Адриан уже открыл рот, чтобы сказать привычное — что тело должно уметь реагировать, а не воспроизводить схему. Потом остановился.

— Чтобы у тебя было что менять, — сказал он. — Если база каждый раз случайная, ты не импровизируешь. Ты просто каждый раз заново ищешь равновесие.

Фраза оказалась неприятно разумной.

После занятия он задержался на минуту в пустом зале. Музыка уже выключили, ученики расходились по раздевалкам, на зеркале оставались отпечатки ладоней. В такие часы препода-

вание обычно возвращало ему приятное чувство ясности: чужую проблему видно проще собственной. Сегодня ясность оказалась двусторонней.

Он не хотел становиться человеком, который после двух недель с Мирой начинает измерять жизнь маркерами и повторениями. Но, возможно, выбор был сформулирован неправильно. Структура не обязана была принадлежать Мире. Так же как реакция не принадлежала ему. Это были инструменты, а не характеры.

Мысль была достаточно полезной, чтобы он сразу ей не доверился.

В десять вечера, уже в трамвае, он открыл общую таблицу сезона.

Мира добавила строку:

«Samba centre — markers. Продолжить. Не считать решённым».

Ниже стояло:

«Cha-cha preparation — 85% стабильно лучше. Full speed нестабильно».

Адриан посмотрел на экран.

Потом впервые сам открыл вкладку «Тренировки» и дописал ещё одну строку:

«Для samba: сохранить одинаковую подготовку 6 повторов → потом менять размер при той же читаемости».

Он перечитал формулировку.

Слишком длинно.

Слишком похоже на Миру.

Он сократил:

«Сначала повторяемость. Потом вариативность».

Так было лучше.

Телефон завибрировал почти сразу.

Мира, конечно, увидела изменение.

«Ты сам что-то внёс в таблицу?»

Адриан ответил:

«Взломали аккаунт».

Три точки.

«Я серьёзно».

Он посмотрел в окно. В тёмном стекле отражались пассажиры, свет салона и его собственное лицо, более уставшее, чем ему казалось в зале.

До Кёльна оставалось двадцать четыре дня.

Они по-прежнему были сто восемнадцатыми. По-прежнему не могли пройти пять танцев подряд с одинаковым качеством. В самбе шесть одинаковых повторов потребовали бумажного скотча на полу, а на полном ча-ча-ча новое правило работало примерно через раз.

Завтра утром ему предстояло провести ещё два урока до совместной тренировки.

В пятницу приходил счёт за зал.

Ничего не стало проще.

Но впервые структура, которую он до сих пор воспринимал главным образом как Мирин способ не бояться будущего, оказалась полезна ему самому.

Не клеткой.

Опорой.

Он напечатал:

«Да. Сам».

Ответ пришёл через несколько секунд.

«Зафиксировано».

Адриан рассмеялся вслух.

Женщина напротив подняла глаза от книги.

Он убрал телефон.

Завтра Мира наверняка потребует повторить эксперимент.
И впервые это не показалось ему угрозой.

ГЛАВА 8

28—30 октября, Вена

К девяти утра Мира уже дважды улыбнулась человеку, которого видела впервые, и один раз — стене.

Стеной была светло-серая циклорама в арендованной фотостудии Arlivo, человеком — фотограф, который просил её смотреть «не в камеру, а как будто чуть дальше». После третьего такого объяснения Мира поняла, что «чуть дальше» означает ровно метку из чёрного скотча над его левым плечом, и дальше стало проще.

— Отлично, — сказал фотограф. — Теперь Адриан ближе.

Адриан сделал полшага.

— Ещё.

Он посмотрел на Миру.

— Если ещё, я закрою логотип на её топе.

— Тогда плечо назад, Мира. Да. И руку сюда.

Мира положила ладонь Адриану на грудь чуть выше, чем сделала бы в румбе. Не из-за близости. Из-за белой надписи ARLIVO MOTION, которая должна была остаться видна между её пальцами и краем его тренировочной рубашки.

В зеркалах тренировочного зала любое положение тела существовало ради движения. Здесь оно существовало ради кадра.

— Посмотрите друг на друга.

Они посмотрели.

— Мягче.

Адриан чуть приподнял бровь.

Мира едва не рассмеялась.

Щёлкнул затвор.

— Вот! — обрадовался фотограф. — Именно это.

— Что именно? — спросила Мира.

— Связь.

Адриан кашлянул в сторону.

Мира убрала руку.

Марта Левек, стоявшая у монитора с планшетом, не засмеялась. Она была слишком хороша в своей работе, чтобы смущаться словами, которые продавали продукт.

— Этот кадр сильный, — сказала она. — Живой. Не постановочный.

Мира посмотрела на экран.

На фотографии они действительно выглядели так, будто между ними существовала ясная, давно освоенная система. Адриан смотрел не прямо ей в глаза, а немного ниже, словно уже знал, куда она двинется в следующую секунду. Мира улыбалась открыто, без конкурсной демонстративности. Его рука лежала у неё на спине спокойно и точно.

Если бы фотография умела продолжаться ещё восемь счётов, система закончилась бы примерно на втором opening.

Вчера они сорок минут работали над самбой и так и не договорились, насколько рано Адриан должен закончить подготовку перед изменением размера. Позавчера полный ча-ча-ча распался после тридцать пятой секунды. Румбу Елена вообще запретила чинить до сегодняшнего вечера, потому что они третий раз пытались решить дистанцию новым правилом и каждый раз только создавали другую версию той же проблемы.

До Кёльна оставалось десять дней.

— Можно ещё один? — спросила Марта. — Потом переодеваемся.

Мира кивнула.

Съёмка была частью контракта, который они согласовали неделю назад и подписали утром. Десять тысяч евро на сезон — не одним платежом, а четырьмя траншами, привязанными к минимальному числу публичных появлений и контента. Плюс тренировочная одежда, обувь и часть конкурсных аксессуаров. На фоне бюджета сезона сумма не превращала их жизнь в удобную. Но она оплачивала несколько месяцев залов или значительную часть coaching, а ещё снимала с Миры необходимость покупать каждую тренировочную пару обуви по полной цене.

Марта не обещала им титулов. Arlivo не требовал победы в Кёльне. Компании нужен был образ новой пары с известными именами и понятной историей возвращения Адриана в circuit.

Проблема заключалась только в том, что рекламная история уже была готова, а спортивная — нет.

На планшете Марты лежал макет первой публикации.

THE PAIR EVERYONE HAS BEEN WAITING FOR.

Мира увидела его ещё утром и сказала:

— Никто нас не ждал.

Марта ответила:

— Это реклама, Мира. Не протокол заседания федерации.

Адриан предложил вариант «THE PAIR CURRENTLY TRYING TO AGREE ON SAMBA», но его почему-то не приняли.

Теперь фотограф снова попросил их встать ближе.

Мира поставила вес на правую, позволила левой ноге остаться свободной и почувствовала, как Адриан меняет положение корпуса перед тем, как коснуться её лопатки. Даже здесь он давал информацию раньше действия. Не потому, что они танцевали. Просто последние недели начали переписывать то, как они существовали рядом физически.

Она не подготовила ответ.

Это заняло меньше секунды и не имело никакого спортивного значения.

Но Адриан заметил.

— Готово? — спросил фотограф.

— Да, — сказала Мира.

Щёлкнул затвор.

После съёмки у них было сорок минут до машины в студию.

Мира переоделась быстрее и открыла видео вчерашней самбы прямо в гримёрной. На экране Адриан трижды проходил один и тот же фрагмент. В первом повторе подготовка была ясной, во втором появлялась позже, в третьем направление читалось вовремя, но размер менялся настолько резко, что Мира заранее собирала центр.

— Нет, — сказала она.

Адриан, застёгивавший спортивную сумку, поднял голову.

— Что?

— Я поняла, где мы вчера потеряли самбу.

— Мы сейчас едем на четырёхчасовой сбор.

— Поэтому и говорю сейчас.

— Это очень по-мирински звучит.

Она повернула телефон к нему.

— Смотри. Здесь дело не в том, что ты меняешь размер. Ты меняешь момент, в который я узнаю, что размер изменится.

Адриан посмотрел один повтор. Потом второй.

— В третьем — да.

— Во втором тоже.

— Во втором я поздно начал корпус. Это другое.

— Для моей реакции результат тот же.

— Для исправления — нет.

Мира почувствовала знакомый импульс продолжить. Разделить. Назвать. Зафиксировать. Если две причины давали один внешний эффект, тем важнее было различить их до тренировки.

— Тогда запишем два варианта.

— Нет.

— Почему?

— Потому что через сорок минут Елена заставит нас это сделать ногами, а не в гримёрке пальцем по экрану.

— Мы можем сэкономить время.

— Мы можем потратить сорок минут на спор до того, как вообще встанем на паркет.

Мира закрыла видео.

— Хорошо.

Адриан посмотрел на неё с подозрением.

— Так просто?

— Я сказала «хорошо».

— Зафиксировано.

Она бросила в него полотенце.

В студии Елена уже ждала их у края паркета.

Сбором назывались три дня увеличенной совместной работы перед Кёльном: утренний технический блок, перерыв, раундовая подготовка, восстановление и на следующий день снова то же самое. Не шесть часов непрерывного танца и не попытка за десять дней компенсировать месяц. Елена заранее ограничила объём, а Инес сняла одну силовую тренировку, чтобы они не складывали нагрузку просто из тревоги.

Мире это решение нравилось ровно до тех пор, пока она не видела расписание с пустыми промежутками.

Сегодня после съёмки оставались четыре часа, из которых непосредственной танцевальной работы было меньше двух с половиной.

— Вы выглядите дорого, — сказала Елена, когда они вошли.

— Это костюмы бренда, — ответил Адриан.

— Я не про одежду. У вас лица людей, которым сегодня уже платили за улыбку.

Мира поставила сумку.

— Можно начать с самбы?

— Нет.

— Мы нашли вчерашнюю проблему.

— Поздравляю. Начинаем с разминки.

Через двадцать пять минут Мира уже не считала это издевательством.

Тело после трёх часов стояния под светом было не уставшим, а застывшим. Икры казались нормальными, но грудной отдел сопротивлялся первому широкому shaping, стопы медленнее обычного включались после холодного пола фотостудии. Никакой боли. Просто напоминание, что «не тренировалась» не означает «отдыхала».

На самбу Елена дала им двадцать минут.

Мира ожидала, что они сразу вернутся к вчерашней проблеме. Вместо этого Елена поставила на полу две полосы скотча — почти как Адриан две недели назад — и сказала:

— Сначала один размер. Шесть раз.

Мира посмотрела на Адриана.

Он улыбнулся.

— Моя интеллектуальная собственность.

— Твоя интеллектуальная собственность существует лет пятьдесят, — сказала Елена. — Работайте.

Первый повтор был плохим.

Во втором Мира слишком рано собрала правую сторону, потому что помнила первый.

В третьем Адриан начал подготовку вовремя, но изменил объём раньше, чем собирался.

На четвёртом они наконец получили движение, которое совпало не внешне, а по причине: его намерение стало читаемым до изменения размера, а Мира не назначила заранее, насколько далеко он пойдёт.

Пятый вышел хуже.

Шестой — снова рабочим.

— Достаточно, — сказала Елена.

Мира посмотрела на часы.

— Можно ещё три.

— Можно. Но не сегодня.

— Почему?

— Потому что ваша задача сегодня не доказать, что самба существует. Ваша задача — закончить раунд.

Слово прозвучало тяжелее, чем должно было.

До сих пор они несколько раз проходили два танца подряд и один раз — три, с длинным восстановлением между ними. Пять полностью, в конкурсном порядке, без остановки после ошибок, они ещё не делали.

Елена решила, что пора.

— Девяносто секунд каждый, — сказала она. — Между танцами двадцать пять секунд. Как на плохом турнире, когда организатор торопится. Никаких разговоров. Воду не пьёте. Если развалились — продолжаете с того места, где находитесь, а не с красивого начала. Если столкнулись с воображаемой парой — меняете floorcraft. Я музыку не останавливаю.

— Полный темп? — спросил Адриан.

— Да.

Мира посмотрела на него.

— Готов?

— Нет.

— Отлично.

— Вот за это я и ценю нашу коммуникацию.

Самба началась слишком резко.

Не музыка — они.

Первые двадцать секунд Мира чувствовала, как оба пытаются показать больше качества, чем способны удержать. Адриан дал избыточный объём на первом длинном движении, она ответила слишком собранным центром, потом оба поняли ошибку и на несколько счётов стали чрезмерно осторожными.

К середине танца они нашли рабочий размер.

Не лучший.

Стабильный.

Мира отметила это и сразу поймала себя на желании решить, почему он появился. Не сейчас.

Самба закончилась.

Двадцать пять секунд.

Адриан опустил руки, один раз глубоко вдохнул и снова встал рядом.

Ча-ча-ча наказал их быстрее.

На полном темпе правило, которое на восьмидесяти пяти процентах работало четыре раза из шести, снова стало ненадёжным. На третьей фигуре Адриан подготовил направление поздно. Мира всё-таки ответила раньше — не на него, а на предыдущий повтор. Их веса разошлись на долю секунды.

Раньше они бы остановились.

Теперь музыка шла.

Мира поставила ногу туда, где реально оказалась, а не туда, где должна была быть по хореографии. Адриан перестроил следующий вход.

Это не сделало ошибку хорошей.

Но ошибка перестала занимать ещё восемь счётов после себя.

На сороковой секунде у Миры загорели икры.

К концу ча-ча-ча она чувствовала дыхание уже в горле.

Румба началась почти оскорбительно медленно.

После двух быстрых танцев тело хотело продолжать разгоняться, а музыка требовала другого качества времени. Именно здесь стала очевидна их дистанция. Адриан дал пространство, Мира тоже создала пространство, и между ними на один момент оказалось слишком много воздуха.

Зритель, возможно, увидел бы красивую линию.

Мира почувствовала пустой канал связи.

Не чинить.

Продолжать.

Следующий контакт оказался лучше просто потому, что они вошли в него из реального положения, а не пытались вернуть предыдущую картинку.

На двадцатипятисекундной паузе перед пасодоблем Адриан впервые положил руки на колени.

— Не смей, — сказала Мира.

— Что?

— Садиться внутрь себя. Потом не разгонишься.

Он выпрямился.

— Ты очень поддерживающий человек.

— Дыши выше.

— Вот теперь романтика.

Музыка включилась раньше, чем она успела ответить.

Пасодобль был их самым странным танцем: технически программа уже существовала, но ещё почти не имела общей идентичности. Мира знала, как сделать его сильным для себя. Адриан знал, как сделать сильным для себя. Вместе это пока выглядело как два решения, которые договорились не мешать друг другу.

На свежем теле это можно было скрыть presentation.

На четвёртом танце — нет.

Адриан один раз повёл слишком жёстко. Мира ответила сопротивлением быстрее, чем успела решить, что делает. На следующей фразе они оба уменьшили силу.

И стало хуже.

Не потому, что нужна была агрессия. Потому что осторожность сделала действие неопределённым.

Мира увидела Елену у зеркала.

Та ничего не записывала.

Просто смотрела.

Джайв начался, когда ноги уже не хотели пружинить автоматически.

Первые пятнадцать секунд были даже хорошими. Усталость убрала часть лишнего контроля. Мира не успевала организовывать каждую реакцию и поэтому действительно отвечала на Адриана.

Потом пришёл счёт.

Тридцать секунд.

Сорок.

Пятьдесят.

На последних двадцати Адриан начал поднимать плечи. Не сильно. На видео обычный зритель, вероятно, не заметил бы. Мира заметила сразу, потому что его центр стал давать информацию позже рук.

Её собственные стопы всё ещё работали, но икры горели, дыхание стало шумным, свободная нога дважды возвращалась медленнее, чем требовал темп.

За десять секунд до конца Адриан слишком широко отправил её в сторону.

Мира могла сократить движение заранее.

Могла остановиться.

Могла показать рукой, где ошибка, и начать заново.

Ничего из этого уже не имело значения.

Она закончила реальное движение, вернулась в связь и услышала последние удары музыки.

Джайв закончился.

Несколько секунд никто не говорил.

Мира стояла, уперев руки в бёдра, и пыталась понять, почему пол кажется чуть дальше от неё, чем обычно. Пот стекал между лопатками. Икры горели ровно, без острой точки. Большой палец правой ноги был цел. Дыхание быстро возвращалось, но пока не вернулось.

Адриан лёг на спину прямо на паркет.

— Нет, — сказала Елена.

Он поднял одну руку.

— Я знаю. Не лежать сразу.

— Тогда встань.

— Я демонстрирую несогласие с системой.

— Встань и демонстрируй стоя.

Он сел, потом поднялся.

Мира посмотрела на таймер.

С момента начала самбы прошло меньше десяти минут.

Смешно.

Они тренировались по два часа. Иногда дольше. Но эти несколько минут были другой работой: не возможность остановить проблему, а обязательство прожить её до конца и всё равно дать телу следующую задачу.

— Ещё один? — спросила Мира, хотя уже знала ответ.

Елена посмотрела на неё.

— Нет.

— Мы теперь знаем, где падает качество.

— Именно поэтому нет.

— Можно хотя бы ча-ча и джайв.

— Мира, вы впервые закончили пять танцев без остановки. Если ты сейчас превратишь это в доказательство, что нужно немедленно повторить самые плохие места, ты не узнаешь ничего про раунд. Только про свою способность устать сильнее.

Мира хотела возразить.

Адриан вытер лицо полотенцем.

— Она права.

— Я знаю.

Это раздражало больше всего.

Елена дала им десять минут ходьбы, воду маленькими глотками и только после этого разрешила сесть смотреть видео.

Самба выглядела лучше, чем ощущалась.

Ча-ча-ча — хуже.

В румбе избыточная дистанция была видна не всегда, но там, где Мира чувствовала пустоту связи, картинка действительно становилась слишком декоративной.

Пасодобль выглядел сильным ровно до того момента, пока не требовалось общее решение.

Джайв на последних двадцати секундах стал тяжёлым.

Не катастрофическим.

Просто честным.

— Хорошо, — сказала Елена.

— Это не хорошо, — ответила Мира.

— Хорошо, что теперь мы знаем, что именно у вас остаётся после семи минут работы.

Адриан ткнул пальцем в экран.

— Вот здесь я начинаю вести руками.

— Потому что центр уже устал, — сказала Мира.

— Да.

Она перемотала на румбу.

— А здесь мы оба создаём дистанцию.

— Да.

Ни один из них не сказал: надо исправить всё завтра.

Елена сама открыла их расписание на планшете.

— До Кёльна не строим новую пару. Работаем с той, что есть. Два раундовых дня. Один технический. Один короткий coaching. За три дня до выезда объём снижаем. Никаких героических шести часов, потому что вы испугались видео.

Мира посмотрела на четыре открытые проблемы, которые только что увидела подряд.

Потом — на свои ноги.

Через несколько минут икры уже переставали гореть. Тело справлялось. Проблема была не в том, что они физически не могли пройти пять танцев.

Они могли.

Проблема была в том, что к пятому танцу становилось видно, какие навыки действительно принадлежат паре, а какие пока существуют только тогда, когда у них есть время остановиться и договориться.

Телефон Миры завибрировал.

Марта прислала предварительный кадр со съёмки.

На экране Мира и Адриан стояли близко, собранно, спокойно. Под фотографией уже был набран слоган:

THE PAIR EVERYONE HAS BEEN WAITING FOR.

Мира посмотрела на Адриана, который сидел рядом на полу и прикладывал холодную бутылку воды к шее.

— Нам прислали рекламу.

— Я там красивый?

— Невыносимо.

Он взял телефон.

Несколько секунд смотрел.

— Хорошая фотография.

— Мы выглядим так, будто умеем танцевать вместе.

— Иногда умеем.

— Иногда — восемь секунд.

— Сегодня было почти десять минут.

Мира хотела автоматически поправить: десять минут не одинакового качества.

Не сказала.

Потому что он и так знал.

Адриан вернул телефон.

— Завтра они это выложат, и люди решат, что мы новая сенсация.

— А через неделю мы можем закончить тринадцатыми.

— Можем.

— Или двадцать пятью.

— Тоже можем.

Мира посмотрела на фотографию ещё раз.

Реклама не была ложью в том смысле, который её тревожил утром. Она не обещала место.

Она продавала возможность — ту самую, ради которой они оба согласились на сезон.

Просто фотография показывала возможность уже законченной.

Спорт так не работал.

Вечером Мира открыла общую таблицу.

Раньше она бы добавила пять строк: самба, ча-ча, румба, пасодобль, джайв. Отдельную задачу к каждой. Отдельный срок.

Она добавила три.

«Rounds: качество заметно падает после cha-cha».

«Jive: центр Адриана устает раньше рук. Не лечить увеличением full-outs».

«Главная задача до Кёльна: закончить танец после ошибки, не чиня предыдущую».

Потом закрыла файл.

На следующий день им предстояла ещё одна тренировка.

До Rhein Star Open оставалось восемь дней.

И впервые Мира знала о паре достаточно много, чтобы понимать: за восемь дней всё исправить невозможно.

Это не означало, что восемь дней были потеряны.

ГЛАВА 9

7 ноября, Кёльн

В шесть сорок утра Мира уже была в туфлях.

Не конкурсных — мягких тренировочных, с растянутыми ремешками и пятнами магнезии на внутренней стороне. Настоящую пару она достанет позже, перед первым вызовом. Сейчас ей нужно было только проверить тело после дороги.

Гостиничный номер не позволял пройти даже половину диагонали. Между кроватью и окном оставалось четыре шага, если не задевать чемодан. Мира сделала медленный перенос веса, присела на *standing leg*, поднялась, повторила на другую сторону.

Правая стопа — нормально.

Левая — нормально.

Икры после вчерашнего перелёта были плотнее обычного, но не забиты. Поясница отпустила после душа. Сон — шесть часов двадцать минут, меньше желаемого, больше катастрофического минимума, который она помнила по прошлым сезонам.

Телефон показывал 6:42.

В 6:45 должен был зазвонить будильник.

Мира выключила его заранее.

На стуле лежал чёрный халат Arlivo, рядом — аккредитация Rhein Star Open. На пластиковой карточке впервые было напечатано то, что в сентябре ещё не существовало:

SOKOLOVA / KELLER

Professional Latin.

118.

Номер рейтинга выглядел почти комично. Год назад Мира знала, кто находится на одиннадцатой позиции, кто на четырнадцатой, сколько очков отделяет её от десятой. Сто восемнадцатая была уже не местом, а территорией.

Она взяла карточку и положила обратно.

Сегодня рейтинг ничего не решал.

Сегодня решали семьдесят шесть пар в одном зале.

В спортивном комплексе пахло лаком для волос, кофе, таном и нагретой резиной кабелей.

Мира скучала по этому запаху сильнее, чем готова была признать.

За два месяца она успела привыкнуть к залам, где музыка принадлежала только им. Здесь музыка никому не принадлежала. Она шла из основной арены, из разминочного пространства за перегородкой, из телефонов, на которых пары смотрели свои записи. Поверх неё кто-то считал, кто-то спорил на итальянском, кто-то смеялся слишком громко от нервов.

Адриан сидел на полу у стены и затягивал шнуровку.

— Ты опять проверяла стопы в номере? — спросил он, не поднимая головы.

— Да.

— Я начинаю понимать, почему ты никогда не опаздываешь.

— Я не вижу связи.

— Три минуты на проверку стоп. Две на температуру воды. Четыре на завтрак в правильном порядке. Если всё посчитать, опоздать физически невозможно.

Мира хотела сказать, что завтрак занял девятнадцать минут, а не четыре, но решила не помогать его аргументу.

Вместо этого спросила:

— Плечи?

Адриан дважды поднял и опустил руки.

— Нормально. Спина тоже. Икры тяжёлые первые десять минут, потом отпустили. Он произнёс это без шутки.

За последние недели они научились не отвечать на вопросы о теле словом «нормально», если можно было дать информацию точнее.

Елена подошла к ним с распечаткой расписания.

— Первый заход через тридцать восемь минут. Ваш heat второй. После самбы не разговариваете. После ча-ча тоже. Между танцами вы всё равно ничего не исправите.

— А после раунда? — спросила Мира.

— После раунда можете сказать друг другу по одной вещи.

— По одной?

— Мире — особенно по одной.

Адриан кивнул с серьёзностью ученика, получившего очевидно правильное правило.

Мира посмотрела на него.

— Тебе тоже.

— Я молчу очень качественно.

— Именно поэтому ты сейчас говоришь.

Елена сложила расписание.

— Цель на первый раунд?

Мира ответила сразу:

— Пройти.

— Это результат. Задача?

Она знала, что Елена спросит именно так.

— Не чинить прошлое действие.

Елена посмотрела на Адриана.

— Не менять preparation после того, как понял, что она не ответила так, как ожидал.

— Хорошо. Остальное у вас всё равно сейчас будет хуже, чем в пустом зале.

— Спасибо, — сказал Адриан.

— За что?

— За психологическую поддержку.

— Для неё найди другого специалиста.

Через двадцать минут их вызвали в holding area.

И только там Мира впервые по-настоящему увидела, насколько маленьким будет паркет.

Не физически. Паркет был стандартным.

Маленьким его делали люди.

Вдоль ограждения стояли пары из первого heat. Высокие, быстрые, яркие. Красные перья, чёрные рубашки, открытые спины, номера на мужских костюмах. Кто-то прыгал на месте, кто-то молча держал партнёршу за обе руки, кто-то уже улыбался лицом, которое ещё не требовалось зрителям.

Габриэль Штерн стоял через два номера от них. Лена Орлова поправляла браслет на запястье.

Габриэль заметил Миру и коротко поднял подбородок.

Она ответила тем же.

Никакой драмы.

Он был здесь со своей партнёршей седьмой сезон.

Она — с Адрианом шестую неделю.

Эта разница существовала независимо от того, насколько сильно Мира хотела сегодня финал.

Адриан протянул ей обе руки для последней проверки connection перед вызовом.

Мира взялась.

И на секунду тело сделало то, что всё ещё иногда делало без её разрешения: ожидало Максима. Не его лица, не его рук — конкретной последовательности информации. Максим перед стартом всегда давал немного больше давления в левую ладонь, затем отпускал его, когда переносил внимание на корпус. За восемь лет Мира перестала считать это привычкой. Это стало чем-то вроде температуры воздуха: существовало, пока не исчезло.

Адриан делал иначе.

Он сначала проверял расстояние, потом дважды менял собственный вес, будто спрашивал не «готова?», а «где ты сейчас?».

Ещё месяц назад Мира ответила бы ему раньше второго изменения.

Теперь дождалась.

— Что? — спросил он.

— Ничего.

— Ты посмотрела так, будто нашла ещё один пункт в таблицу.

Она почти сказала про Максима.

Не потому, что это было тайной. Просто объяснение сейчас ничего не улучшало.

— Проверяю, не начинаю ли заранее.

Адриан снова перенёс вес. На этот раз намеренно изменил ритм.

Мира осталась на ноге до конца информации.

— Не начала, — сказал он.

Это была мелочь. Настолько маленькая, что в зале она не стоила бы отдельной остановки.

Здесь, за минуту до первого турнира, Мира вдруг поняла другое: новая пара уже существовала не только в регистрационной базе. У них появились собственные микросигналы, ещё редкие, ещё требующие внимания. Не язык. Пока только несколько слов.

Ведущий произнёс номера второго heat.

Мира вышла на паркет.

И поняла, что зал ей знаком.

Не этот зал.

Состояние.

Свет, который делает дальние ряды почти невидимыми. Края паркета, по которым взгляд автоматически оценивает свободные коридоры. Первые хлопки публики. Судьи, уже переставшие быть людьми с именами и превратившиеся в точки внимания по периметру.

Тело вспомнило соревнование раньше, чем она успела подумать, что это первое соревнование с Адрианом.

Самба началась.

Первые двенадцать секунд были хорошими.

Не удачными — хорошими.

Адриан дал ясный объём, Мира не зафиксировала конечную точку заранее, их центр работал так, как они собирали последние две недели.

Потом справа появилась другая пара.

Не внезапно. На турнире никто не обязан исчезать из твоей траектории только потому, что именно там стоит хореография.

Адриан увидел мужчину раньше и изменил направление.

Мира тоже увидела.

И именно поэтому сделала хуже.

Она заранее сократила следующий шаг, страхуя пространство, которого ещё не потеряла. Адриан в тот же момент уже создавал новую траекторию. Получилось двойное решение.

На долю секунды их корпуса перестали принадлежать одному движению.

Не чинить.

Мира поставила ногу туда, куда реально пришёл вес.

Следующая фигура стала меньше.

Ещё следующая — рабочей.

Когда самба закончилась, в теле сразу возникло желание повернуться к Адриану и сказать: «Я сократила раньше».

Елена запретила.

Двадцать пять секунд.

Ча-ча-ча.

Здесь трафик не просто мешал траектории — он менял время.

Пара впереди замедлилась на линии, где Адриан обычно использовал музыкальную задержку. Он решил уйти наружу. Preparation пришла позже, чем в зале, потому что решение действительно родилось позже.

Мира почувствовала информацию и одновременно память о вчерашнем повторе.

Старая версия её тела уже знала, что делать.

Новая попыталась дожидаться.

На миг обе существовали вместе.

Её standing leg выдержала лишнюю долю.

Адриан закончил подготовку.

Она пошла.

Не идеально в музыку.

Зато на его реальное действие.

Мира слышала собственное дыхание и почти улыбнулась — не зрителям, а тому факту, что это вообще получилось в толпе.

Через двадцать секунд они потеряли timing на гораздо более простом месте.

И это было почти смешно.

Румба оказалась хуже.

После двух быстрых танцев пространство между ними снова стало слишком большим. В пустом зале они уже умели замечать момент, когда оба одновременно «дают место» другому. Здесь Мира увидела рядом чужую пару, автоматически отступила на полшага больше, Адриан сделал то же самое для безопасности — и connection на несколько счётов превратился в красивое расстояние.

Красивое было не равно полезному.

На пасодoble проблема стала другой. Их две сильные индивидуальные версии снова начали просвечивать через совместную программу. Под давлением каждый вернулся к тому, что умел лучше: Мира — к заранее организованной форме, Адриан — к реакции на пространство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.